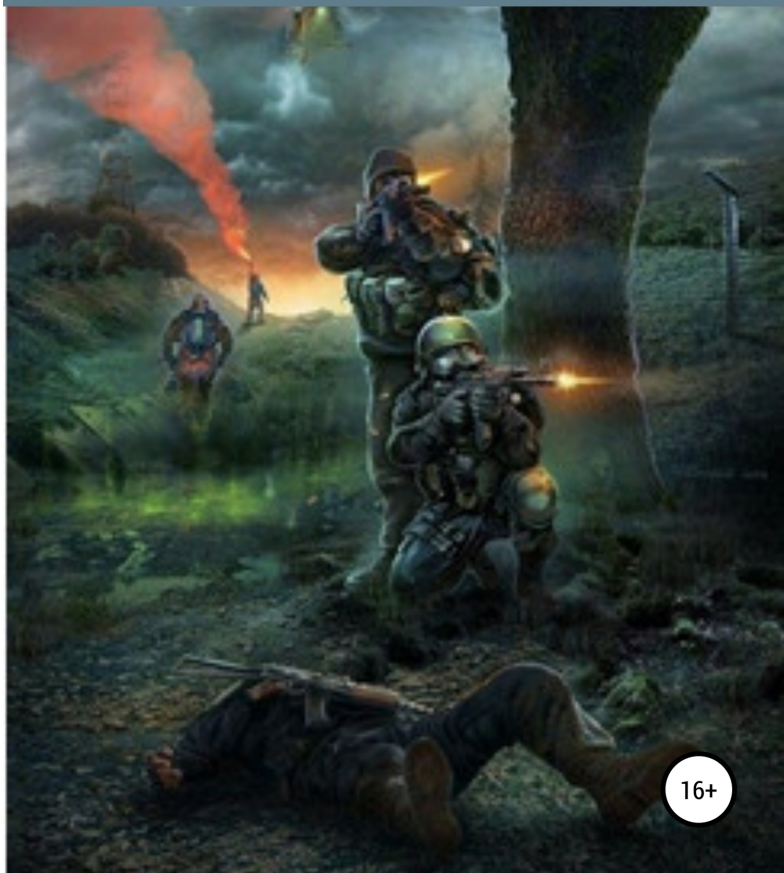

Александр Забусов

Маятник качнулся

16+

Александр Владимирович Забусов

Маятник качнулся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49889700

SelfPub; 2020

Аннотация

Мать трехмесячных близнецов перед смертью смогла сохранить им жизнь, отдав в руки посторонних людей. Они выжили. Прошло почти тридцать лет. При встрече оба попадают в западню, оказавшись – один в 1942-м, второй в 95-м. Задача выжить и вернуться, несмотря на мясорубку войны. Образы людей разных профессий и судеб проходят мимо близнецов чередой. Есть явные враги и явные друзья, есть наставники и те, кто норовит при первой возможности подставить ножку, свалить, растоптать. Есть бандиты и силовики, шпионы и разведчики. В рукописи мистики очень мало, много приключений, боев, потерь и находок, чуть-чуть любви, но без фанатизма, иногда фантастика. Картины противостояния танковых армاد, горящие кострами металлические коробки танков. Картины городского боя. Кажется, в таком аду выжить невозможно, но человек – существо особого порядка, при любых обстоятельствах надеется уцелеть.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. В омут головой	13
Глава первая. «Золотое правило» приманивания проблем на пятую точку	13
Глава вторая. «Брызги осколков разбитого зеркала»	54
Глава третья. Этот безумный, безумный, безумный мир	72
Глава четвертая. Первые страхи, первый опыт, первое разочарование и первые потери	101
Мишки Вишнякова	
* * *	105
Часть 2. Танковая карусель попаданца Улыбина	117
Глава первая. Самый длинный день	117
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Предисловие

На добрый исход происходящего в городе Варюха не рассчитывала. Жизнь научила не слишком доверять оккупантам. Новыми властями девятого августа был издан приказ о поголовной регистрации евреев с четырнадцати лет и о ношении ими специальных опознавательных знаков. Вместе с приказом фашисты опубликовали «Воззвание», обязывающее все еврейское население города, захватив деньги и ценности, одиннадцатого числа к восьми часам утра прийти на один из шести сборных пунктов для переселения в особый район. Все это, дескать, для их же пользы, с целью защиты от насилия со стороны нееврейского населения, якобы имевшего место в предшествующие дни.

Где этот район? Что за район? И вообще, можно ли в этом районе жить, или получится влачить лишь жалкое существование? Эти вопросы роились в головах людей, вот только ответа от властей на них не было. Евреи поняли, что им некуда деваться, только после того, когда рассмотрели наводнивших улицы города патрулей из комендатуры, жандармов на мотоциклах, солдат в большом количестве и полицаев. Вот как раз последние распределены были по специальным командам, следовавшим по адресам и «помогавшим» указанному в «Воззвании» населению быстро собраться и покинуть свои обжитые квартиры.

Их квартиру в старом двухэтажном доме такая судьба не минула. В дверь громко забухали стуком, и знакомый голос из-за дверного полотна чуть ли не радостно оповестил:

—Слышь, Роза, чего заперлась? Открывай, старая ворона!

Голос соседа заставил вздрогнуть Рэйзел Исааковну, а трехмесячных близнецов, Варькиных сыночков, захныкать в один голос. Вот и их черед настал.

—Не открывай! Пусть думают, что нас дома нет. — Прощептала свекровь.

Бледная как полотно Варька, грустно скривилась в вымученной улыбке, как уже не раз было в их совместном проживании, не согласилась, высказавшись наперекор хозяйке:

—Дверь выломают, мама.

Сразу после приказа на регистрацию, Варвара предлагала свекровке уйти из города, да та уперлась как баран и ей с детьми не позволила покинуть Ростов. С одной стороны мать мужа умная женщина. Рассудительная. Но уж дюже скупа, бережлива и прижимиста. Неразумную невестку корит за то, что обрезание грудничкам не сделали... А и пусть! Варька стерпит укоры, малы еще детки... Вот и за жилье Рэйзел Исааковна уцепилась, будто если уйдут, то назад его возвратить не получится. И ведь такая она не одна. С тех пор, как Бориса призвали на войну, от мужа ни одной весточки не было, а жизнь через пень-колоду покатилась. Даже после родов толком ужиться со свекровью не получалось. Все не по ней, за все корила подспудно молодую невестку. Варя понят-

ливая, материнская любовь еврейской женщины сыграла с ней злую шутку, а ведь все по-другому могло быть. Угрозило же ее, потомственную казачку, по любви выйти замуж за мужчину иной крови...

В дверь уже ломились.

– Не открывай!

– Поздно.

Собратся толком так и не дали, на улицу выгнали с минимумом пожитков. Людей словно скот в гуртах, сгоняли к центральным магистралям и под аккомпонement лая овчарок и выкриков немцев, чуть ли не пинками сводили в тесную колонну. Только и слышно немецкую речь по разные стороны людского потока:

– Schnell! Auf los geht's los! Mithalten!..

Детский плач и всхлипы старух повсеместно. Звуки выстрелов режут слух. Тех, кто пытается уклониться и спрятаться, выдают соседи. Сбежавших ловят и просто уничтожают.

Это называется, что их от местного населения защитить хотят? Нет! Так не бывает! Их гонят туда, откуда вряд ли вернешься. Варвара сцепив зубы, поухватистей поправила на руках завернутых в пеленки близнецов. Несмотря на утро, жарко на улице. Вопрекла от приложенных усилий.

– Давай помогу. – Предложила свекровь.

– Сама справлюсь. Своя ноша не тянет. – Отказала всерьез.

Всю дорогу, пока их вели, думала только об одном. Как бы выбраться из людского скопища и затеряться в переулках старого города, который знала сызмальства. Только ведь охранение плотное. Не выскочить. Позвала:

—Мама. Возьмите из ридикюля мой паспорт. Там и карандаш есть.

—Зачем тебе?

—Нужно. Да, открой же его! Да! Да!

—И что?

—На первой странице напишите имя и фамилию.

—Так ведь документ!

Возмутилась.

—Делай, что говорят!

—Спятила, wench! Oh, God! Куда смотрели глаза Боруха, когда жену за себя не еврейку брал? — перешла на идиш Рэйзел Исааковна, шаркая ногами рядом с плечом неразумной молодежи.

Спросила:

—Что писать unwise?

—Пиши. Давид Сас.

Карандашом прямо на первом листе паспорта вывела требуемое.

—Рви лист и сунь в пеленку.

— Oh, My God!

—Пиши. Михаил Сас. Да! Суй сюда.

—Зачем тебе это?

—Нужно мама. Нужно!

Вели уже по Будённовскому проспекту, вниз к Дону. Варвара все удивлялась, чудные люди ее окружают. Раньше значения не придавала. Всего пара часов прошло, а старики и даже дети затихли в покорности, в надежде, что проблема сама собой рассосется. Станичный люд давно бы на охрану набросился, а эти терпят.

На окраине город открывал себя плетнями, хатками в тесных переулках, утопавших в зелени растений. С реки наполнила прохлада, позволившая хоть чуть-чуть вольней вздохнуть. Мишка захныкал в пеленках и тут же брата поддержал Давид.

—Кушать захотели, мои мальчики? Потерпите! Скоро мама покормит.

На окраинах народ более сердечный. Старики со старухами, детвора, молодухи, повысыпали к дороге. В одном месте к «еврейской живой реке» вплотную придвинулись.

—Weg! Zurück!(Прочь! Назад!)

—Куда ж вас, сердешные?

—Их в сторону Змиёвки гонят!

—А что там?

—Поселок!

—Балка!

Народ колыхнулся.

Сейчас! Хоть так!

Варвара втиснулась в промежуток между конвойными,

протянула оба свертка двум казачкам, старой и молодой.

—Возьмите!

Будто ждали чего-то подобного, расхватили деток.

—Halt!

Поздно! Толпа сомкнулась. Трое немецких солдат и один полицаи, расталкивая народ прикладами, погнались за беглецами.

Грянувший выстрел из винтовки, заставил людей отступиться. Конвоируемые в колонне подались назад, освободив маленький пяточок пространства. На пыльной дороге в крови застыло тело. Застрелили, пробив пулей сердце молодой женщины. На лице убитой застыла улыбка.

—А-а-а! — склонившись над покойницей орала пристарелая полная женщина.

Порядок немцы навели быстро, и колонна двинулась в прежнем направлении. Четверо преследователей не утомились, но и им пришлось разделиться. Забежав в один из переулков, солдат и полицаи довольно резво нагоняли старуху со свертком в руках. Скорее всего, на августовской жаре немцу надоело бежать за старой дикаркой. Он, остановившись, вскинул винтовку к плечу. Полицаи попытался что-то сказать:

—Герр...

Не успел. Солдат приложился к винтовке, стрельнул.

Одновременно с выстрелом женщина будто споткнулась. Упав, накрыла собой пищавший живой комочек в пленке.

Вот теперь спешить некуда. Умерив шаг, оба приблизились к телу. Носком сапога немец ковырнул лицо женщины. Мертва. Чертыхнулся:

–Verdammt! Du dummes Schwein! Land der Idioten!(Черт возьми! Тупая свинья! Страна идиотов!)

Толком не поняв сказанного, русский согласился с ним:

–Да-а, люди у нас еще те сволочи. Порядок здесь нужен!

От плетня, заросшего кустарником, почти бесшумно отделилась кряжистая фигура человека, скользнула к «представителям закона», стоявшим к ней спинами. Полицай пошустрей немчика оказался, сказалась привычка выживания. Наверное так чувствуют опасность крысы. Может и получилось бы снова обмануть костлявую, оказаться похитрей противника, да только неизвестный враг не побоялся растаться с ножом в руке, умело швырнув его в намеченное место.

–Ак-к-х! – тело в конвульсии избавилось от лишнего воздуха из легких.

Солдат, обычный пехотинец, вооруженный винтовкой со штыком, заметив мужчину в летах с окладистой бородой, по габаритам и повадке больше похожего на медведя-шатуна, попытался пойти на него «в штыковую». Винтовку-то еще перезарядить нужно было. Прodelывал это в спешке, с волнением, боясь опоздать. Нелепый размах! Укол! «Хох!» – изрек из легких выдох. Добился лишь непонятной скабрёзности от русского.

–Что ж ты ею як метлой машешь, ирод?

Шагом влево уход с линии атаки с поворотом корпуса. Рукой отбив оружие в сторону, второй дал по рукам, захватывая винтовку. Ребром ладони ударил в горло, тем самым повалив солдата на землю. Перехватив винтовку, штыком пригвоздил немца к земле, словно бабочку на лист бумаги.

—Г-гык! Отбегался зар-раза!

Споро отвалив тело женщины в сторону, мужчина сразу определил. Мертва! Ни чем не поможешь. А вот сверток, писком подававший сигналы о своем положении живого организма, озадачил.

—Вот так компот! И чего мне с тобой делать прикажешь?

Однако время поджимало. Схватив находку на руки, ретировался подальше от места сшибки.

В это же самое время, молодуха с ребенком на руках тоже не смогла далеко от судьбы своей уйти. Была она молода и полна сил, бежала быстро, но даже не старалась увернуться от пули, вообще не думая о том, что в нее могут выстрелить.

Два выстрела, прозвучавших друг за другом, нарушили кажущееся спокойствие и тишину переулка, заставив собак за заборами и тынами сорваться на лай, какого-то ребенка заплакать, а бегущую молодую женщину споткнуться и упасть в пыль. Солдаты, осознав, что могут и не догнать беглянку, в два ствола уложили ее на землю, пока «телились», споря кому идти добивать если жива, прятаясь в поросли винограда цыганка, решив что может из-под носа фрицев стащить что-то ценное, у простофиль в погонах, умыкнула

сверток не разбираясь, что в нем. Перескочив через плетень, пробежав по саду убралась куда подальше. Бежала сколь сил хватило. В укромном месте осмотрев добычу, нашла в свертке дитя. И,.. что?

Посидела, подумала. Развернула пакет полностью. Листок бумаги выпал, являя собой страничку советского паспорта. Только читать она не может, не грамотная. У-у! Мальчишка! Закаканный весь.

–А! Не плюй в щи, если мяса нет, Бога прогневишь. – Прощептала, глядя в карие глаза ребенка. – Уж не рома ли ты? Нужно будет у шувани Ляли спросить.

Смирилась с необычным прибытком. Ромы говорят, если ты получил или имеешь не то, что хотелось бы, не ропщи, а то и это потеряешь...

В Змиёвской балке погибли около двадцати семи тысяч евреев, в основном женщины, дети и старики, так как мужчины ушли на фронт. Одних сажали в открытые машины, других под конвоем сопровождали на окраину города, в направлении 2-го Змиёвского поселка. Взрослых расстреливали, часть была убита в «душегубках», а детей умерщвляли, смазывая губы сильнодействующим ядом. Вместе с евреями в Змиёвке также погибли представители других национальностей – в основном члены еврейских семей.

Часть 1. В омут головой

Глава первая. «Золотое правило» приманивания проблем на пятую точку

Солнечный диск завис над волнами, окрасив воду в нежно-лазоревые оттенки. В небесной сини, меж сиреневыми облаками, мелькали белокрылые чайки, своими криками оглашая приход нового дня. Беспокойные и в то же время грациозные, они оседлали воздушные потоки и будто катались на них, проносясь неподалеку от борта. Большой океанский лайнер вошел в зону порта и целенаправленно двигался к пирсам. Притихший ветер, взбивая за кормой пенные барашки воды, закачался на гребнях волн легким бризом.

Когда встали к причалу, летнее утро лишь набирало силу, но работа в порту кипела как жизнь муравейника. Одесса, этим все сказано. У борта сразу же встал пограничный наряд. Молоденькие солдаты с офицером чуть постарше их самих, застыли в ожидании момента схода на берег прибывших в страну пассажиров. Там где выставлен пост, там теперь и есть государственная граница.

Не круизный теплоход, океанский лайнер, отработав за-

дачу, встал на прикол. А задача у него не простая была – доставить пассажиров и коммерческую загрузку к месту назначения, причем по расписанию и при любой погоде.

К громаде металлического корпуса подали трап. В отличие от других путешественников, пересекших океан и нетерпеливо ожидавших окончания подготовительных действий команды на спуск, молодой, крепкий, загорелый до черноты парнище, на вид которому нет еще и тридцати лет, одетый лишь в белую рубашку с коротким рукавом и шорты, встав на закрытой прогулочной палубе левого борта, наблюдал за людским мельтешением на суше. Как всякому сухопутному человеку плавание через океан до чертиков наскучило, но торопиться ему нет никакого резона. Все дело в том, что помимо чемоданов, на грузовой палубе за ним числится груз, в руках который не унесешь. Три года проживания на Кубе, в сложном для европейца климате, тянулись медленно, рутинно. Но все проходит, подошла к концу и командировка советского специалиста, за что Фидель лично руку пожал и сделал подарок. Вот теперь и мучься с презентом от главы страны!...

Все начиналось вполне предсказуемо. Закончив военное училище, по распределению попал служить в Восточную Германию. Молодой лейтенант-танкист даже предположить не мог, что однажды нежданно-негаданно окажется под Магдебургом в танковой армии. Обновление технического парка, потребовало произвести замену личного состава в Груп-

пе Войск, «накачать» ее молодыми кадрами, отсюда свалившаяся удача на выпускника, отличника по боевой и политической подготовке.

Ох, и выжимали из «молодых» все соки, куда там «тяготам и лишениям» в родной бурсе. Поначалу вечером едва до кровати «доползти» мог. Через какое-то время, все кто с ним прибыл, втянулись. Уже не тяготились нагрузками, после окончания рабочего дня частенько гаштет посещали. В один из вечеров к их компании, сидевшие в пивной, вдруг подошел колченогий немец. Инвалид на протезе подвыпил больше меры, ну и потянуло на откровенность. Пальцем указал на Улыбина, подмигнул и выдал фразу в одно слово:

—Jude.

Посмеялись. Ошибочка, мол, вышла, казак донской. Налили камраду рюмку. «Отвали, дед! Видишь, офицеры отдыхают».

Немец даже растроился, но водку выпил. Снова за свое. Через пень-колоду, коверкая русский язык, объяснил:

—На восточном фронте воевал, там и ногу оставил...

Демонстративно потянул воздух носом, щепотью руки обозначив жест вдоха в себя, вновь ткнул палец в Давыда, изрек:

—... Wir wurden in teilen der SS angezogen. Jude. Genau! (Нас этому в частях СС натаскивали. Еврей. Точно!)

Сашка Бухаров когда до затуманенного алкоголем мозга сказанное дошло, немчуру за шкварник ухватив, к выходу

поташил, поджопником выбросил из гаштета. Не за ошибку. Про сослуживца своего, Бухаров и сам всю подноготную знал. Нет! За то, что гад старый эсэсовцем в войну был. Сашкина семья, оставшись на оккупированной фашистами территории, колоссальный урон понесла.

Немцы, после рабочего дня собравшиеся разговеться в питейном заведении, притихли. Понимали, они после советской победы на своей земле вроде бы как на птичих правах подъедаются, за раздолбанную в пух и прах территорию Советского Союза ответственность несут. Им жить позволили и вот в таких случаях нужно молчать, и по возможности дышать через раз. Между тем, офицеры снова выпили. Посмеялись над казусом, разошлись по домам. Да только в мозгу Улыбина зарубка осталась.

Через полгода после того случая, десять офицеров вызвали в штаб армии. Высокопоставленный начальник их ведомства предложил съездить в командировку в одну из жарких стран. Чем заниматься? Узнают после добровольного согласия. Улыбину, что? Он холостяк. Да и дед, единственная на свете родная душа, провожая на службу, напутствовал: «От службы не бегай. Догонит. Но и сам не напрашивайся, целее будешь». Согласился. А вот из их десятка, четверо его товарищей отказались. Три года он обучал на Кубе кадры для кубинской армии, а о тех четверых никто больше ничего не слышал. Заслали вместе с семьями, куда Макар телят не гонял. Сами свою стезю выбрали.

Что танкисту на Кубе делать? Остров, какие танки? Не все так просто! Кубинские товарищи с подачи наших, осваивали африканский континент, вот там танкисты на вес золота были. По-первому представлению такие же «чернявые», как и местные аборигены. Гм! При некоторых обстоятельствах не сразу поймешь кто перед тобой. Для глаз европейца, негр, он негр и есть. Ну, а рухлядишку от щедрот – Советский Союз сплавил. Танк Т-44, который на смену «тридцать четверке» и «43-му» пришел. Это в Союзе он давно устарел, а на африканских просторах, такой в самый раз будет. Вот тут и появилось место, куда его сплавить. «Старик» конечно, но сварганили его на совесть, с учетом хорошо зарекомендовавших себя решений, воевать вполне мог. У него более совершенная система подачи топлива, чем у предшественника, немного поднята мощность. Система охлаждения позволяет использовать «коробочку» в жарком климате. Коробку передач конструкторам удалось изготовить достаточно компактной и облегченной. Бортовые решения передач и фрикционов тупо взяты от Т-34. Новое МТО позволило сдвинуть орудие ближе к середине корпуса. В общем, в своем развитии молодой Улыбин вернулся в прошлое, пересев с Т-54 на «дедушку». Для «учеников» исполнял роль «профессора» в учебном классе и на крохотном танкодроме. Рутинная и мотание нервов. Каждый тамошний день, за три проживал. Иногда думал, не выдержит. Почему? Другие они. Не такие как мы. Это в смысле кубинцы. Ленивые. По любому

поводу веселиться горазды. При случае монету заработать и то не хотят, им бы если само в руки упало. Тогда да-а! Одним днем живут.

Первая неделя занятий, ознакомительной была, чтоб с контингентом определиться. Какое там! Чего определяться, когда учиться не желают. Тупы-ые-е! Даже не так. Хитро-мудрые лентяи. Их бы плетью поучить, но нельзя. Товарищи все же, в стране социализм строят. Доложил по команде. На следующий день прямо на занятие пришел полковник революционной Армии Республики Куба. Долго не разбирался, прошелся по рядам и металлическим стеклом, вправленным в каучук, отрихтовал черепа, спины и грудь будущих танкистов. В общем, стегал от души и куда придется. На кровищу внимания не обращал. Уходя, высказал напутствие: «Фиделю нужны умелые солдаты. Выводы сделает каждый сам для себя. Еще одно нарекание и...». Не закончив фразы, хлопнул дверью. С того дня хлопот с контингентом по дисциплине Улыбин не знал. Так, шаг за шагом командировка и закончилась...

И вот он снова в Союзе. Отпуск за все три года посчитали и выпроводили. Гуляй казак! Сто восемь дней. Стоило оно того? Наверное, стоило. Досрочно капитана получил, а впереди радужные перспективы грядут. Стоял на берегу, пройдя все требуемые процедуры с возвратом на родную землю, подняв взгляд в небо, смотрел, как корабельным краном подняли с палубы его «Волгу» и по воздуху перемещают на

пирс. Услышал за спиной восторженный шепот на русском языке, но с характерным акцентом жителей юга.

—Ах! Какая красавица!

Обернулся. Мужчина старше сорока лет, не худой, но и не толстый грузин, подняв голову вверх, наблюдал за манипуляциями с автомобилем, пуская восторженные слюни при созерцании двадцать первой «Волги» цвета слоновой кости. Спросил:

—Нравится?

—Да-а-а!

—Моя.

—Шутишь, дарагой?

—Правду говорю.

—Продать не желаешь? Хотя глупость сказал...

—Желаю.

«Горящий» глаз выдал волнение южного гостя. Сейчас сказать, что пошутил, кровника на всю жизнь заполучить можно. Сожаления о «слове» нет и в помине. Зачем ему машина? Вся жизнь впереди, чтоб засорять ее лишним балластом.

—Сколько за нее хочешь?

Знал, что по талону такую, за шесть косарей купить можно было, вот только с производства сняли, сейчас «двадцать четвертые» в ход пошли, но за свои мучения в тропическом климате продешевить не хотел. Хоть и подарок, да только честно отработанный.

—Двадцать тысяч рублей.

—Договорились!..

Станица встретила «блудного сына» плотными сумерками майского вечера, почти ночи. На улицах тишина, лишь из дворов почувствовав чужого, где-нигде пролает дворовой пес. Прошел вдоль заборов к родному дому, вошел в калитку. Дедов курень темными провалами окон создавал иллюзию брошенности. Пустое подворье подвело в мысли гнетущие нотки. Сколько же он отсутствовал? Пять лет? Больше! Поставил чемодан, позвал:

—Де-ед!

В ответ тишина. За соседским забором послышался мягкий топот, рык и, в конце концов, лай большой собаки. Стоял не в силах сдвинуться с места. Чего ждал? Ясно чего! Ждал, что сейчас включится лампа над дверью, а сама дверь откроется и на крыльце появится хозяин.

—Рябко! А ну, цыть! Дурная собака!

Знакомый голос тетки Полины, вывел из ступора, заставил думать и действовать. Обозвался:

—Теть Поль! Доброго вечера вам!

Услыхала. Даже псина не смог перебить ей острый слух. Спросила:

—Хто там шуткует?

—Теть Поль, это Давыд! Дед где?

—Давыдка? — узнала-таки по голосу. — Приехал? Погодь, я враз подойду.

—А дед где?

—Погодь...

Втроем сидели на веранде соседского дома. Он, тетка Поля и ее муж, дядько Григорий. Чета Ермиловых давно отправила детей в свободное плавание по жизни. Еще не старые, не глупые и не жадные люди, после выданья замуж младшей дочери, слегка растерялись, чувствуя свободу от обязанностей, проносимых через жизнь. Давыда как дорогого гостя звали к себе в столь поздний час. Полина стол накрыла, бутылку водки выставила. Да и было о чем погорюстить, за что выпить.

Помянули деда, ушедшего тому три месяца уж как. Не дождался старый внука.

—Ой! Та шо ж это я так вскагакалась? Тебе ж Матвей Игнатович грамотку оставил. Велел отдать, когда приедешь.

—Та дай парню спокойно поисть, а мне выпить! — возмутился Григорий Тимофеевич. — Ступай за писулей.

—Ага, зараз я!

Несмотря на поздний час, вихрем унеслась во внутренние покои дома, только подол взметнулся. Григорий головой покачал.

—Эх и баба у меня, огонь! Такой с самой молодости была, такой и замуж сманил. А ты Давыд, все бурлакой ходишь?

—Точно, дядька Гриня. Неженатый и невесты нет. Как говорится, без дома и хозяйства. Некогда.

—Ну, да! Молодняку всегда некогда. Так понимаю, в ста-

нице не останешься?

—Нет. Служба.

—Дом продавать будешь?

—А вот с домом не так поступим.

Потянулся к саквоюжу, стоявшему неподалеку, рядом с чемоданом. Извлек из недр походной сумки две пачки десятирублевки в банковской упаковке, положил перед соседом на стол.

—Что это? — разглядывая наличность широко открытыми глазами, спросил Григорий.

—Деньги, дядь Гриш. Деньги.

—Ну и?..

Появилась Полина, протянула конверт Улыбину. Увидав богатство в дензнаках государства, сложенное перед мужниным носом, с волнением поинтересовалась:

—Ой! А это шо такое?

—Потом, тетя Поль. Все потом! За хлеб-соль спасибо. Утром поговорим, а сейчас к себе пойду, дедово письмо читаю, и спать лягу. Устал.

—Да, как же? Я уж и постелю сгоношила.

—Нет. Один побуду в своем доме.

Побросав в прихожей пожитки, засветил свет, вошел в горницу, опрятную чистую комнату на два окна, с громоздким круглым столом посредине, с божницей в углу, под которой висела потушенная лампадка. Мебель современная. Через проход в соседнюю комнату, вовсе не имеющий двери,

видно диван и телевизор «Рекорд» на тумбочке. Все, как при живом деде. Кажется, сейчас откроется входная дверь «куреня», послышится кашель, а потом появится и сам дидунька. Да! Но такого никогда уже не будет. Расположился на диване, вскрыл конверт, вчитался в текст обращенного к нему письма.

«Здрав будь внучок. Ежели читаешь эти строки, знать не дождался тебя, не поговорил по душам. А поговорить давно надобность назрела. Все думал, успею, а оно вона как получилось. Да ты не журишь, казак! Все там будем, усех Мара до себя примет, но каждого в свой срок. Мой, как видишь, вышел. Но дело не во мне. Хочу о тебе поведать. Тешу себя мыслью, воспитал казака, только по крови мы с тобой не родные. Да-да. К писуле своей, вырванный листок паспорта прилагаю. Его в смертный час твоя мамка в пеленку сунуть успела. Тебя добрым людям на руки передала и от немецкой пули сгинула. Большой души видать была, Царствие ей Небесное. Потом ты ко мне попал и я как мог растил тебя. Отца твоего разыскать пытался. В архивах Министерства Обороны раскопал, что рядовой Борис Сас погиб в 1942 году под городом Харьков, но точных координат погребения не сохранилось. Так что не взыщи внучок. Все что смог. Ныне ты к народу кровного отца своего, такое же отношение имеешь, как волк к собаке. Может внешне и похожи, да нутро разное и помыслы не совпадают. Опять моя вина, не мог по иному – казака взростил. Наши старики испокон веков считали, где бы ни

жил, а прожить свои последние дни и сложить кости должен на родине. Умереть в кругу родных и знакомых, в своей ста-
нице. Мне отчасти это удалось. Но ты себя не кори, соседям
специально сказал, чтоб не вызывали. Вся моя семья еще в
гражданскую погибла, а ты на службе обретаешься. Прости
ежели не по-твоему сделал. А еще удивить тебя хочу. Есть в
этом мире родная тебе кровь. Удивил? Надеюсь! По донской
земле ходит твой брат-близнец. Да-да. Видал я его издали.
Если б не повадки, да не голова патлатая с бородой и усами,
спутать вас даже близкий человек может. Одно лицо, одна
конституция тела. Его цыганский табор пригрел, цыганом и
воспитал. Захочешь, найдешь брата, дело твое. Только, чур
не разочаровываться! Как до поселка добраться, у Гришки
спросишь. Кажись все. Помни, пташка не без воли, казак не
без доли. Ты молод, долю свою не прогавь, она при рождении
тебе написана была. Прощай!»

Так вот откуда сны! Давыду часто снится, что изображе-
ние в зеркале с ним общается и ведет себя как бы отдельно
от оригинала. Близнец, значит. Х-ха!

Вышел на воздух, присел погрузить. Однако дед всегда
учил: казак в беде не плачет. О чем тут думать? Выбор за
него война сделала, а воспитатель вбил понятия казачего
племени. Захочешь – не отречешься, потому как по иному
даже мыслить не может.

Сранья к соседям пошел, пока на работу не умчались.
Григорию объяснил, что дом продавать не будет, а деньги

оставил, чтоб по-соседски за ним приглядели, не дали развалиться и растащить. Выспросил, как до поселка добратся. У Полины узнал в какой стороне погоста дед последнее пристанище нашел. Захватив поллитрушку водки и закусь, двинул напрямиком к кладбищу.

* * *

Этим же днем, в ста пятидесяти километрах от Ростова, в большом поселке, неторопливо протекала повседневная, в чем-то даже скучная жизнь. На улице позднее утро, слышны выкрики детского грая, да звуки повседневной поселковой суеты. Солнце жарит, нагревая землю и воду в ставке, мутно-голубым пятном в обрамлении зеленых камышей, высокого кустарника и редких деревьев притулившемся к окраине поселка. Как раз на перекрестке низовой части населенного пункта, что сводит один путь из слободки в центральную усадьбу, а другим, пересекая, делит станичников от слобожан, встретились двое стариков.

—...Эй! Степка, погодь! — еще издали заметив знакомца, позвал один из них.

—О! Здоров будь, Пантелей! Чего хотел? — откликнулся второй, с ноткой удивления в голосе.

Оба деда с деревянными клюками в руках, пеньки замшелые, рост которых уж в землю пошел, седых, с морщинистыми лицами. Их без особого труда можно было отнести к раз-

ным национальностям. Одежда выдавала. Один казак, другой цыган.

Встав рядом, отдышались, смахнув выступавший пот со лба. Старость, будь она неладна!

—Мора, я в своём амбаре поймал твоего внука! — выдал претензию окликнувший первым.

Цыган расплылся в добродушной улыбке.

—То-то ухо у него вишневым цветом налилось и подпухло. Д-а-а! И чего?

—Как это чего?

—Х-ха! Сосед, в амбаре любой поймает. Ты его в поле поймай! Шустры-ый!

—Знаю, что шустрый. Ты б своего розбышаку уму-разуму поучил!

—Обязательно поучу, Пантелей. Всенепременно плетки отведаст. — Успокоил станичника рома.

—Мал он для плетки, Степан! Вполне бы ремня хватило.

—Не скажи, соседushко! Потом может быть поздно. Получит за то, что пойман был, и за то, что неписанный закон нарушил. Не воруй, где живешь!

—Ну, тебе видней. Недосуг мне лясы точить. Побёг я, бывай!

—Бывай, Пантелей!

Подгребая концом клюки дорогу, казак засеменял прочь, оставив собеседника в раздумье.

Поселок жил своей повседневной жизнью, своей жизнью

жила и цыганская слобода при нем. Давно минули те дни, когда цыгане в кибитках кочевали по дорогам Союза, а при- став у околицы провинциальных городков на какое-то вре- мя ставили их сонное пребывание в покое, с ног на голову. Стоп! Все в прошлом. Почти!.. Цыгане между тем, продол- жают сохранять кастовую ментальность и делят весь мир на две бесхитростные части – «рома», то есть себя и «гадже» – всех остальных. Для них и при «советах» существует два за- кона – цыганский и закон страны. И нужно отметить, цыгане свой закон ценят и ставят превыше всего.

Но все же... само время сблизило цыган с людьми дру- гих национальностей. Всё больше и больше их работает в культуре, промышленности и на селе. Они трудятся на са- мых скромных должностях. И опять-таки существует «но». Да-да! Приходит «страдная пора», когда законопослушные граждане великой страны, целыми семьями и даже слобод- ками, срываются с насиженных мест и мчатся «гастролиро- вать» по городам и весям со своей произвольной програм- мой, в которой «торговля с рук в неположенном месте» – са- мое безобидное деяние против закона государства.

Почему так? Все просто. Изначально кочевой народ не умеет и не любит работать на земле. И потом, для цыга- на подневольный труд – вещь невозможная. После того, как осели на землю, основным заработком стала торговля. Ку- пили в одном городе, продали в другом. Этим и жили. Ну и еще кое-чем... Как тут не кочевать? Потому и разбивали па-

латочные городки вблизи вокзалов в крупных городах... Кто скажет, что кочуют? Подкочевывают, только и всего. Можно сказать государству помогают. В стране ведь дефицит, всего на всех не хватает...

Старая Дея босыми ногами прошаркала по натопанной, уже нагретой солнцем дороге родной слободы. Чтоб к одиннадцати часам добраться к дому баро, пришлось пораньше вставать. Развалины помещичьего дома, которые она на теплое время года облюбовала под жилье, находились в семи верстах от поселка. Возраст! Пока дошкандыбаешь – ноги протянешь. Но ей, сохранившийся целым подвальный этаж в самый раз будет. Не жарко и от посторонних глаз подальше. Люди частенько заходят к старушке за советом и помощью. Ходят не только рома, но и чужие. Дея, шувани табора, десяток лет тому, осевшего под Ростовом.

Ф-фух! Считай, добралась. Остановилась дух перевести, увидела как с крыльца дома цыганского предводителя, спускается Папуша, такая же старуха, как и сама шувани. Кажется они даже одноклассники. Чего это она такая растрепана? И на лицо, будто туча напозла. Это баро, что-ли так постарался, за что-то отчитывая Куколку? Да-да! Ежели с цыганского языка перевести имя товарки, то эту старую овцу так и величают. Повысив голос, позвала:

–Папуша! Эй, подруга! С чего так баро растроила, что ругаться стал? Допекла?

Куколка хриплым прокуренным голосом пожаловалась:

–Какое там! Сама к баро с претензией на своих ходила. Пусть помогает, ежели он голова в таборе.

–А что так?

–А-а! Позор цыганской семьи – работающие родители и дети не умеющие просить подаяния. Не научила! Баро считает, сама виновата. А как научишь, ежели по новому жить хотят? Три кобылы уж свои гнезда свили, а ума чуть! Этак под старость лет с голоду ноги протяну.

Стояли под тополем, раскурив трубки. Время еще было. Шувани с удовольствием выпустила изо рта кольцо дыма, ощутив в груди крепость ароматного, донского табака. Ой, права подруга! Дети, повзрослев, обязаны содержать своих родителей, помогать им в быту и следить, чтобы не испытывали нужды. Спросила, хотя и так знала ответ:

–Учить пробовала?

–А, то! Даже показывала не раз. Будто и не романо рат. Стеснительные, видишь ли! Мол, обманывать не хотим, ежели дара нет. Вдалбливала в их пустые головы, что даром предсказания владеют единицы. Казалось, чего проще глянуть на внешность подвернувшейся под руку бабы и походя, почти не напрягаясь лишний рубль заработать? Не понимают. – Уставилась на товарку, всплеснула руками. – Боже! Кому я все это рассказываю? У тебя ведь дар настоящий!

Улыбавшаяся до этого Дея, захохотала в голос, заставляя подружку потупить взгляд. Принадлежность к «безголовой», «косорукой» семье ту явно напрягало. По ее мнению, дочери

с зятьями и выводком детей, на «дне» общества обретаются. Посоветовала:

–Ты бы им сказала, что цыганам сам Бог воровать разрешил. – Намекнула на легенду о том, что когда распинали Христа, проходящие мимо цыгане украли гвоздь. За это Бог разрешил им иногда воровать. – Подруга, да ты еще многое сама можешь. Выпусти тебя на промысел, так всю семью прокормишь.

–Нет.

–Чего так?

–Никому не говорила, тебе первой. Выгорела я изнутри. Попалась мне одна... Волосы до плеч, волнистые, темные. Подошла к ней, только работать принялась... А она в глаза смотрит и говорит: Зря подошла ко мне кало шеро. Теперь пожалеешь. А будущее твое я и сама предсказать могу... Мне стало нехорошо. Она улыбнулась и пошла прочь. Сила в ней была большая. Ведьма.

– Ведьма – это плохо! Это редкость! А вот тебя дуру, жалко.

–Бабка Дея...

Курчавый, черноголовый цыганенок лет десяти, не слишком заморачивающийся на свою одежду и в целом на внешность, встав на крыльце, окликнул старую, подпустив в голос нотки нетерпения и значимости.

–...баро ожидает. Уже спрашивал.

Старухи быстро в себя пришли. Кивнув друг другу, раз-

бежались. С баро шутки не шутят. Старик высокого полета птица, не просто цыган, не просто баро, а еще и глава династии Василидидов. Еще дед нынешнего вожака табора, причислил семейство к греческой национальности, хоть крови греков в жилах и капли не имелось. Все потому, что с такой выправленной бумагой в то время проще кочевать было. Но и это не главное, династией цыганская семья нарекается, если несколько её членов стали знаменитыми в пределах цыганского сообщества и хотя бы один – за его пределами. Вот так! А Дмитрий Василидис, человек уважаемый. Кроме всего прочего в Отечественную воевал с фашистами. Три ордена имеет, медали. Романипэ в его устах и душе – закон.

Войдя в горницу, родовая колдунья поздоровалась:

–Те авэс баро Димитр!

–Те авэс бахталі! Долго ходишь! – упрекнул недовольно.

–Старой стала, неповоротливой.

–Брось приbedняться. Зачем звал, знаешь?

Кивнула, озвучив ответ:

–Мишка!

–Да. – В раздумье, баро пошамкал ртом, несмотря на целостность и крепость зубов в нем, скорее всего подбирая нужные слова и интонацию в предстоящем разговоре. – Он для табора словно шило в заднице стал. Недавно ромы из-за Урала приезжали, жаловались на него. Их сообщество вообще решило объявить Мишку вне закона, сделать изгоем. Накуролесил, понимаешь! А ведь это я его отпустил вроде

как на родине матери побывать. Побывал, псина сутулый!

Минуло полтора десятка лет, когда баро одобрил вхождение в табор цыганки с двумя детьми, из-за каких-то неурядиц съехавшую на юг из-под Челябинска. Теперь-то самой цыганки в живых уж нет, а Бог постарался, наградил табор таким сокровищем, как Мишка. Сестрицу его просватали давно. Замуж в табор под Азовом выдали. Сам баро посаженным отцом был на цыганской свадьбе.

—Мишка красавчик. Все молодки за ним упадают. — Хриплым прокуренным голосом произнесла цыганка. — И масти он фартовой. Ежели б в богатом семействе уродился, вполне мог и баро стать...

—Мог!... — соглашаясь, кивнул седой головой Димитр.

—...Молодой, а деньги к рукам так и липнут. Одно смущает... Я его «прочитать» не могу. В глаза, в душу заглянешь — у самой голова кругом идет, а в глазах двоиться начинает. Такое со мной впервые. Э-э! Тебе не понять. Что он там снова натворил? На что пеняют приезжие?

—Лучше не спрашивай! Порезал кого-то, но это полбеда. Большое подозрение, что обворовал. По их словам, обобрал весь тамошний табор как липку.

—Врут.

—Не похоже. От других рома весточка пришла. Действительно, по чужому навету, на их стоянку милиция нагрянула. Все вверх дном перевернула. Ничего не обнаружили, но с места согнали. Когда табор назад вернулся, то в схронах,

в ямах под кострищами нашли тюки шерстяной и шелковой ткани, часы, кольца, даже золотые монеты, а деньги и гособлигации пропали.

—Много?

—Говорят, на десятки тысяч рублей.

—Откуда столько?

—Работают люди, не то, что мы, оседлые. Да!, Так вот грешат на Мишку. Он там был и о схронах знал, а потом пропал.

—Похоже на Мишку.— Снова согласилась старуха. Ей ли осуждать цыгана с фартом? Только ведь шувани на стороне баро стоять нужно. Для проформы напредила баро об одной из черт характера виновника.— Он ведь, не в пример нашим, всегда к золоту равнодушен был, а вот при виде денег прямо зверел.

—Тоже заметила? Ну и что делать посоветуешь?

—А ты прикажи его осквернить и пусть приезжие сами разбираются с изгоем.

Это и в самом деле могло оказаться выходом из сложившегося положения. Если цыган «осквернён», он временно исключается из жизни цыганского общества. Его не касаются и ему нельзя никого касаться, с ним даже за одним столом не едят и не общаются. Могло... Но... жаба душит баро. После своего приезда, Мишка не хило так отстегнул лавэ от фартовой поездки. Димитр напрягся, покраснев лицом, на морщинистом лбу от мыслей патина пота проявилась. В конце концов, выдал несогласие последовать предложенному

совету:

–Нет! Нужно что-то другое.

–Что?

Глядя в глаза шувани, изрек:

–Нужно, чтоб Мишка исчез. Навсегда исчез! И я знаю, ты это можешь.

Подумала, раскинув мозгами. Спросила:

–Где он сейчас?

–Где-то в Ростове, но разыскать можно. Тем более через неделю откочуем на побережье Черного моря. Крым. Кавказ. Он знает.

–Вот в течении недели его и подошли ко мне, я буду готова. Ха-ха! Должен будешь, баро!

–Это уж как водится.

* * *

Как иногда шутят, медведь, который десяток лет прожил с цыганами, не ложится в спячку, чтобы у него ничего не украли. Так и Мишка, с одной стороны веселый, бесшабашный, шепутной, легкий на руку и характер, с другой – хитрый, расчетливый и злопамятный с юного возраста, в этой жизни не доверял никому. Перед смертью, мать рассказала, какая кровь бродит в его жилах, но он не по крови, по жизни цыган. Так воспитан. Только лишь слегка под себя корректировал цыганские законы и жил в свое удовольствие, а

особенно когда сестричка замуж выскочила. Единственный человек на всем свете, за которого на нож полез бы! Теперь ей его защита не нужна, а значит... Свобода! Никому он ничего не должен. Не обязан. И даже с этим напыщенным, жадным индюком, баро, он расчитался звонкой монетой.

На ростовском майдане старого базара его разыскал Савка. Пересеклись в торговых рядах, где слобожанин передал слух. Шувани Дея имеет Мишке что-то поведать о его прошлом и если тот в ближайшие пару дней навестит старуху в ее норе, то узнает много нового о себе. Почему пара дней? Так ведь табор откочевывает в Новороссийск «на работу».

—Ага! Понятно.

—А еще, тебя чужие ромá разыскивают. К баро уже раза четыре наезжали. Что утворил-то?

—Да так, по мелочи поцапался.

—Зря! Да! По слухам они не единственные тебя шукуют.

—Кто еще?

—Милиция. Это ты машину угнал?

—Было. Покатался и бросил.

—Вот-вот! Зачем?

—Мне машина не нужна была, а вот хозяин ее на правый берег к родне в Нахичевань заехал. Богатый бобер. Срисовал его...

—Много взял?

—Сколь добыл, все мое.

—Понятно. Ну, кажись все передал... Нет, не все! В Ош-

ковке к цыганам парень твоих лет подкатывал, тобой интересовался. Сказали, на милиционэра не похож. В наш табор направили.

–Добро, разбираюсь. Спасибо!

Призадумался крепко. Понял, что в большом городе ему тесно становится. На подсознании ощущал, в какую бы «нору» ни спрятался, хоть те хоть эти, рано или поздно вычислят и... Нет. Не хочется даже думать! А к старой Дее на поклон по-любому идти. Говорят, колдунья многое может. Может даже на какое-то время внешность изменить, ежели руку червоным, особенно старинным золотом «позолотить». А у Мишки оно имеется. Не много, но есть. Нужно лишь, кубышку распотрошить. Но до поселка еще добраться предстоит.

На съемной квартире поменял одежду. Усы и бородку напроць сбрил. Постригся коротко. Когда «обновленный», в новом прикиде к зеркалу подошел, изучив себя иного, лицо расплылось в довольной улыбке. Вроде он, да только точно не он! Не сразу узнаешь в отражении цыгана, для такого вывода постараться нужно. Ну, что? В поселок?

...Осмотревшись, проверился на предмет «хвоста». Вроде бы чисто! Береженого, Бог бережет. На автовокзале, почти перед самым отправлением, просунулся в битком набитый ЛиАЗ, попутно послушав нелицеприятные выражения в свой адрес. Вечер. Народ из города возвращался домой. Отбrehиваться на стал. Во-первых, это ему на руку, а во-вто-

рых, стиль поведения под внешность подогнал.

Э-эх! Духота напополам с поднятой в салоне пылью. Дороженьки р-рассейские! Как говорится – пять загибов на версту. Из стороны в сторону бросает. На ухабах подбрасывает. И все это под аккомпанимент народного гласа.

–Полегче, водила! Не дрова везешь!

–Ой-ой-ой! Придавили, ироды!

–Где права купил, ушлепок!

–Да, пошли вы все лесом! Везу, как дорога стелется! Остановить, пешком пойдете?

–Вези давай! Ездун!...

Между тем народ, сходя на остановках, помаленьку рассасывался. Михаил из-под руки присмотревшись к сидевшему у окна молодому парню, в осадок мысленно выпал. Неужели?..

Перед смертью мать рассказала Михаилу все, что удалось узнать о том самом дне, когда ребенок в пеленке попал в руки молодой цыганке. И так уж выходило, что брат-блезнец мог у него быть. И теперь эта его вторая копия находится в паре шагов от Михаила.

Волнение схлынуло. И что? Он должен восторженно прыгать и скулить? Кто ему этот молодой гаджо на самом деле? Не-зна-ко-мый лох, каких пруд пруди на просторах Союза. И куда это он едет? Не к Мишке ли? Зачем торопить события? Колеса крутятся, автобус едет. Там посмотрим, как поступить. Может объясниться придется? Брата обнять.

Неподалеку от конечной точки маршрута место за спиной парня освободилось. Михаил присел на сиденье. Наклонился вперед, прошептал в самое ухо:

–Здравствуй брат. Не оборачивайся!.. Ко мне в поселок едешь?

Услышал короткий ответ:

–Да.

–За мной тут «хвостик» тянется. Ты когда в поселок приедешь, у любого, только не у цыган, спроси как к панским развалинам пройти. К сумеркам доберешься. В развалинах ждать тебя буду, там и поговорим. Сейчас сойду, за мной идти не нужно.

Парень кивнул. Смотри, понятливый какой!

Михаил поднялся, прошел вперед по салону, ощущая на себе пристальный взгляд новоявленного братца. Попросил водителя:

–Останови здесь, уважаемый!

–Так ведь степь?

–Ничего, пешочком пройдуся. После твоей пыльной лохани свежим воздухом подышу.

–Вольному воля!

Сошел. Отсюда до развалин ближе, а там шувани. Интересно, чего старуха хочет?

В летних «владениях» старой паучихи, как он в мыслях называл Дею, Михаилу пришлось побывать два раза. Первый – совсем юнцом был. Мать привела. Второй – два года назад,

перед тем как сестру замуж выдал, о семье жениха интересовался. Еще то, соседство с поселком! Местные десятой дорогой минали. Старые цыганки говорили, чернота повисла над развалинами усадьбы. А самой шувани хоть бы что.

Доводилось ли вам когда-нибудь бродить по старым, заброшенным, опустевшим селениям, или выжженным дотла лесам, или развалинам «бывших», со своей историей? Что ощутили? То-то и оно! Тоску, одиночество, запах тления и... смерти. Под боком у развалин река, к ней балка «просверлила выход». А в балке криница бьет чистейшими ключами. Вода вкусная, даже сладкой кажется, а в округе ни одной змеи не увидишь. Вот так! Ни одной, ни ужа, ни гадюки, никого...

Развалины самой усадьбы внушают трепет стороннему наблюдателю. От огромного дома из белого камня с колоннами, нижняя часть стен с оконными проемами только и осталась, торчала словно осколки зубов в запущенном рту. Сад кустарником зарос, деревья одичали. На земле в некоторых местах остатки дорожек едва просматривались. Там где конюшня когда-то размещалась – куча сопревшего деревянного мусора громоздилась. Вот за этой кучей Мишка и схоронился. Осюда отлично просматривалось место входа в цокольный этаж. Боялся ли он Деи?... Хм! Опасался. И потому подставив так вовремя подвернувшегося братца, как две капли похожего на него, решил посмотреть, что будет. Грешен! К самому факту появления блезнеца шкурный интерес

проявил и к делу приплел.

Вечерело. Туман опустился на землю молочной пеленой. В потемках смог рассмотреть, как по саду прошел человек, его точная копия. Некоторое время в ожидании постояв у входа в цоколь, новоявленный родственник почему-то спустился вниз и... исчез. Долгое время ничего не происходило. Мишка уж и ждать перестал. Пропал брательник! Не жалко. Но, какова стерва! Решила его, Мишку известить. Такое не прощается.

Когда совсем стемнело, прокрался к развалинам. Рискую нарваться на неприятность, почти не дыша, в полнейшей темноте на цыпочках сошел по ступеням вниз. Наощупь по стеночке прошел по узкому коридору. Дверь перед лицом преградила проход. Прислушался. Да. Она там. И кажется одна. Так все же, где его близнец? Куда дела?

Стоял, не мог на что либо решиться. Дрожь в теле и холодный пот, струившийся по позвоночнику, напрягали. Трусов он? Стадное животное, питающееся травой. Не-ет! Не дождешься! Он тоже хищник. Когти и клыки имеются.

Потянулся к правой лодыжке, из-под холоши извлек нож. Продышался, нормализуя биение сердца. Посмотрим... Рванулся вперед.

Сильный удар потряс темноту, нараспашку раскрыв дверь. «Нору» освещали свечи в подсвечниках на низком столе с лежавшими на нем картами «Таро». Шувани с открытым в удивлении ртом и страхом в глазах дернулась, подско-

чила на ноги.

–Т-ты? Не может быть! Оттуда не возвращаются.

Боишься, старая сволочь!

–Я первый! – оскалил зубы перед самым лицом колдуньи.

Сразу решил, что театральных поз и монологов не нужно. Кто знает, вдруг выкрутится? Без затей клинком пырнул старуху в сердце.

–Н-на!

Нож в ране оставил, при мерцании пламени свечей, наблюдал, как подыхает вражина. Было на что посмотреть. Вроде сердце железом пробил, а старая все не унималась. Умирать, ну никак не хотела, цеплялась за жизнь и все тут. Или это не она боролась, а тот, который внутри нее находится. Даже в потемках смог рассмотреть, как почернели белки глаз Деи. Из старческих уст вырвался рык. Совсем незнакомый голос оповестил под конец:

–Не уйде-ошь!

В какой-то миг, воздушным шариком костлявое старушечье тело сдулось, почти невесомо рухнуло на пестрый ковер под ногами. Все. Сдохла. Вытащил нож из раны, обтерев клинок об одежду шувани. Крови на нем поразительно мало было. Вернул на место. Пора уходить, но законную добычу следовало захватить с собой.

В коридор вышел не с пустыми руками. Кто бы мог подумать, что у старушки столько старинного золота накопилось. Даже при свете свечи смог определить червонный благород-

ный металл в серьгах, кольцах и браслетах. Мало того. Старая, ризницу патриарха ограбила что-ли? Названия предметов культа Мишка не знал. Знал, что редкость даже для многих музеев. Держа перед собой свечу в подсвечнике, посеменял на выход.

В «нору» вдоль стеночки шел, таился, обратно по центру коридора ломонулся. Это-то и сгубило. Шаг сделал – не думал о западне. Вес тела перенес и прямо под ногами разверзлась пропасть. Старинный механизм очередной раз не дал сбой, раздвинул вниз створы ловушки. Опомниться не успел, тело юркнуло вниз в темную пустоту, а створы встали на место, но уже над головой.

–А-а-а! – только и смог сделать, что своим криком тишину нарушил.

Барская усадьба в ночной мгле не подавала признаков жизни, мертва она уже много лет. И кажется ничего живого ни в ней, ни рядом с ней не осталось. Ночную мглу едва нарушал лишь огонь пока еще только разгоравшегося пожара, пробивавшийся из подпола в цокольном этаже.

* * *

А с казаком неприятность случилась. Так ведь оно и должно было так быть. Почему? Да, просто все, аккуратно по «золотому правилу». Если охота проблемы поймать, и ты усиленно их ищешь, не волнуйся, ты на верном пути, так как

они и сами тебя найдут. Только, для настоящего казака любая неприятность – закалка характера. Бог не без милости, казак не без счастья.

Решение найти брата было спонтанным. Когда до Ростова добрался, с дальнейшим маршрутом определился, солнце на закат пошло. В автобус, шедший в нужный ему населенный пункт, народу набилось словно сельдей в бочку, однако ехал при месте. Ехать-то часа полтора всего. За это время о многом передумал. Чего греха таить, на ум приходил вопрос: – Зачем? Ведь брат мог элементарно оказаться не тем человеком...

С точки зрения Давыда, русские представляются цыганам, кучей «лохов» и "халявы", благоприятнейшей средой для «промысла». Чем ныне живут цыгане? Ну там, гадают, воруют, попрошайничают, торгуют какой-то мелочью с рук, а также местами где-то даже чуть-чуть поют и танцуют. Конокрадством, дрессировкой медведей и кузнечным ремеслом сейчас уже, скорее всего не занимаются. Смысла большого нет. Ну, может быть, слегка увлекаются подделкой простых, но всё равно дефицитных товаров. Проблема трудоустройства для них очень сложна, потому как, с одной стороны они далеко не рвутся работать, с другой, их не хотят на работу брать, боятся воровства или не могут, из-за отсутствия должной квалификации. Ну и зачем ему такой брат, которого воспитали совсем не в военном училище? Может вместе с братом он получит проблему на свою пятую точку.

От мыслей отвлек шепот из-за спины.

—Здравствуй брат. Не оборачивайся!.. Ко мне в поселок едешь?

Ответил:

—Да.

—За мной тут «хвостик» тянется. Ты когда до поселка доберешься, у любого, только не у цыган, спроси как к панским развалинам пройти. К сумеркам дойдешь. В развалинах ждать тебя буду, там и поговорим. Сейчас сойду, за мной идти не нужно.

Кивнул, оборачиваться не стал, но любопытство удовлетворил, когда брательник, действительно как две капли воды лицом схожий с ним, через переднюю дверь выходил из автобуса. В груди ёкнуло, родную кровь признав. Надо же, вот уж действительно мама с папой ударно поработали. Хмыкнул, взглядом поймав выражение лица моложавой женщины с косой, разглядывающей их с братом.

Слава Богу, вышел.

Доехав до поселка, Давыд покинул автобус. На остановке у двух старых женщин спросил дорогу к развалинам усадьбы, напоровшись на непонимание и растерянные взгляды. Потом одна все же объяснила:

—Тебе милый, на ночь глядя, в то место лучше не соваться. Чертовщина там обитает. Люди кажут, не всякий поп с ней связываться решится.

—Издевается, бабаныки? Двадцатый век под откос пошел,

а вы мне тут байки травите. Всего и надо от вас, что направление указать.

— Степановна, шо не поняла? Безвирнык он. — Вступилась подруга. — Укажи цёму казарлюге дорогу, нехай уходит.

— Ох-хо-хо! -. Посетовав, бабка смирилась с выбором парня. — Лихо одноглазое. Дывись. Полверсты прямо по тракту пойдешь, свернешь на право. Во-он там!

Указала пальцем.

— Это в лес свернуть, что ли? — сделал вывод Давид.

— В лес? Х-ха! Кладбище это будет, куда со всей округи покойников везут. Так уж испокон веку повелось, что у могил дерево сажают, вот лес и поднялся. Старое кладбище. Темнеет уже. Не страшно?

Пожал плечами. Вот язва старая! Ответил залихватски:

— Донцы не раки — задом не пятятся.

Согласилась:

— И то правда. Вот за кладбищем правее примешь, а там держи направление на дальнюю балку. Ее видно, не ошибешься. Тем более стежка сама выведет. Ну а там уж сами развалины скажутся. Удачи, казак!

— Спасибо за подсказку, бабаныки. И за пожелание.

Подхватив свой саквояж, пошел куда указали, не видел, как обе старушки спину ему перекрестили.

Люди думают, что они существа высшего порядка, цари природы. Редко кто догадывается о том, что таинственные силы управляют нашими жизнями. Это не подвергают со-

мнению разве что адепты религий и религиозных течений. Иногда человек способен вступать в контакт и общаться с непознанными силами, но это редкость в СССР. Только наверняка, у каждого, даже самого закоренелого атеиста в жизни происходил случай, доказывающий существование высших сил, управляющих судьбами. Давыд Улыбин был молод, силен и не глуп, а еще перед службой дед напутствие давал. Мол, у казака в бою нет спины. Так чего ему трусить? Как будет, так будет!

«Лесной» некрополь показался ему сравнительно небольшим. Возле центральных ворот, что у самой просёлочной дороги, по обе стороны широкой аллеи располагались старые могилы. Над ними вырос уже настоящий лес, местами ставший непроходимым. Сошел в боковушку, по ней миновал узкие, замысловатые дорожки с утопающими в зелени старыми склепами и памятниками. И чем дальше он заходил вглубь, тем захоронения выглядели современнее. Казачья верхушка, наполоам с купечеством, упокоились здесь под тяжёлыми гранитными плитами, под статуями различных скорбящих ангелов и просто под высокими, пирамидообразными монументами. Шел, исподволь разглядывая и читая фамилии усопших. Дальше последовали участки первых советских захоронений. Тут памятники уже скромнее, статуй практически нет. Про себя отметил, что начиная с конца 30-х годов, и вовсе металлические надгробия поставлены. Прямоугольники с усечёнными торцами, пирамидки и

просто кресты, деревянные или сваренные из водопроводных труб и даже кусков рельса. Двигался в тишине, не ощущая никаких позывов к страху. Никто не останавливал, не шептал в ухо: «Стой! Не иди дальше!». По вечерней поре птицы и те смолкли.

За кладбищем правее принял и когда до балки добрался, солнце закатилось за горизонт, и только кровавый отсвет его, еще бередил округу. Через сад к развалинам прошел в потемках. Ну, а дальше-то куда? Где ожидать? Что это там?

Будто тень из входного проема в подвал пламенем на фитильке свечи поманила. Спустился. Пошел по коридору позади провожатого, семенящего в пяти шагах перед ним. Женщина, что ли? А где же брат?

Неожиданно провожатая развернулась к нему лицом, подняла над головой свечу. Старой вороной каркнула:

–Стой!

Встал. Перед ним старуха цыганка. В пламени свечи, в глазах сумасшедшинка играет, а губы в улыбке кривятся. Именно кривятся.

–Помнишь ли Мишка, как мамка умирала? Хе-хе! Так это я ее в дальнюю дорогу снарядила. Сама бы она пожила еще.

Не понял. Чего это... А-а! Так это его за брата приняли.

–Уважаемая... – попытался наладить контакт, когда дошла до неповоротливого мозга нелицеприятная информация о незнакомой собеседнице. Заткнулся на миг, потом разродился вопросом. – Зачем?

Рассохоталась.

–Шустрая очень! Внучке моей дорогу перешла, а та дуреха свою любовь к мужчине пережить не смогла. Давно уж того ромы на свете нет. В войну погиб. А должок я взяла. Тебя извести не получалось, после моего колдовства ты бывало простудой переболеешь и все. Но теперь мне колдовать не нужно, так подохнешь.

Левая рука колдуньи упиравшаяся в выемку коридорной стены, произвела какое-то действие и Улыбин еще и подумать о чем либо не успел, когда под ногами разверзся, казалось монолитный пол. На миг тело ощутило пустоту, а внутренности кажется, под самое сердце ухнулись, и он рухнул вниз в крошечную темноту.

–А-а-а! Г-гупт! – зубами клацнул.

Благо летел не долго, сгруппироваться успел и на ступни приземлиться. Пятая точка организма мягкими тканями уперлась во что-то острое, но без сильного болевого ощущения. Вроде не покалечился. До сознания дошло, что все еще сжимает кожаную ручку саквояжа в кулаке.

Ощупывая ладонью стену, поднялся в рост. Черт! Темно. Опять-таки на ощупь раскрыл саквояж, порывшись, достал китайский фонарик. Осветил конуру, в которую угодил по воле старухи.

Правильный прямоугольный колодец, стены которого тянулись высоко вверх и можно разглядеть даже своды ловушки, привели в шок. Так просто из этого каменного мешка

не выбраться. Мало того, под ногами Давыда хрустнули кости человеческого скелета. Отшатнулся к стене, спиной чуть ли не влип в осклизлый, неровный камень древней кладки. Луч фонарика уперся в голый человеческий череп с пустыми глазницами. Упавший саквояж освободил руку, сжавшую кисть в кулак. Вот этим кулаком, исключительно на нервах, Давыд от души и треснул по чуть выступившему из стены голышу.

Ш-ш-шу! Почти неслышный шорох под боком, насторожил, заставил и без того взведенный затвор нервов напрячься. Что такое? Чуть ли не змеиное шипение. Нет! Змея так не шипит, скорее воздух из крохотного резервуара выходит. Что же это? Посветил фонарем на источник нового звука. Ну ни себе чего?..

От «пола» примерно до уровня середины бедра, часть стены в одном месте отошла в сторону, освободив проход в неизвестно куда. Не брезгуя соседством скелета, наклонился. В открывшуюся нору сунулся, протиснувшись по пояс. Странно как-то! Коридор. По-всему темно должно быть, а там впереди свет маячит, освещает проход. И ведь не видно привычных глазу ламп, проводки кабелей по стенам, а темнота отсутствует.

Подумав, решился. Без трепетной гадливости ухватив берцовую кость от скелета, сунул в паз, застопорил салазку механизма закрытия дверцы в каменный колодец. Вдруг вернуться придется. На другую сторону перебрался. Доволь-

но высокий свод над головой и от стены к стене места много. Под ногами, будто кто щебнем намостил, но и при таком освещении видно, что пылищей присыпано, давно здесь не хожено.

Двинули? Чем он рискует? В ловушке быстрее загнаться можно. Пошел. Однако! Что ни шаг, то по лабиринту эхо разносится, щебенка шуршит. На голову редкая капель ложится. Поежился. Сыро здесь. А ведь если скрытое электричество имеется, неровен час замкнет где, так тряхонет, что мало не покажется.

Нора вывела Давыда к свободному пятакчу под землей, эдакому, обширному залу с ровными стенами и высоким сводчатым потолком. Глаза на лоб полезли. В сказку попал? Прямо перед ним на свободном пространстве лежал камешка, весом тонн двадцать, а то и больше будет. Ну, а за камнем видать, что от комнаты шли коридорами разветвления в стороны. Подошел. Из-под ног едва ощутимо чувствовались колебания. Давыд в некотором роде технарь. В голове мелькнула мысль о том, что в донской степи вулканов нет, а значит, еще ниже уровнем, под землей происходит некая деятельность, возможно наличие источника питания. Это могло бы означать присутствие под ногами, или даже в стене, двигателей. Секретный объект? КГБ или Министерства Обороны? Не дай Бог вляпаться! Нет! Мало ли? Может обычная аномалия. Ведь бывают такие? Чертовщина какая-то.

Рукою валун потрогал. Камень, он камень и есть, только

вот огромный, под землюкем-тозатянут и с буквицами текста. Явно какой-то лоботряс сюда перед ним успел добраться и оставил послание или наставление последователям. Ну и о чем пишут? Прочел: «Направо поедешь – женату и богату бысть, коня потерять. Налево поедешь – коня спасать, бысть голодну да холодну. Прямо поедешь – убиту бысть».

Оригиналы! Что-то подобное он уже где-то слышал, но все равно, на поверку маразмом пахнет. У кого здесь конь мог взяться? В некоторых местах животное вообще вряд ли протиснется. В раздумье даже макушку почесал. А в целом ему-то что? Пешеход. Значит так, коня отбросим, как ненужный фольклор. Остается... «Направо пойдешь – женят. Нелево – оголодаешь. Прямо – тупо убьют». Хорошая перспективка! Эт-то еще кто? На камне, прямо на уровне его глаз возлежало мелкое существо. По тому, что вроде как крылышки имелись, вполне можно отнести его к семейству пернатых. На замушкаренную курицу похоже.

–Ты кто, чудо в перьях? – задал вопрос, не рассчитывая что ответит.

Ответило. На вполне понятном языке ответило:

–Советчик.

Гм! Смотри-ка! А глаза у клуши умные... Ну-ну! Переборол мысль о своей сиюминутной неполноценности, согласился:

–Ну, советуй!

–Никуда не ходи, здесь сиди! Дикарь, ты обязан повино-

ваться воле высшего существа и исполнять приказы приближенных хозяина, хоть они и твои соплеменники.

Чуть не поперхнулся от такого гениального совета. Что за высшее существо? Какие-такие соплеменники? И тон не понравился. Схватил из-под ног камешку, запустил ним в непонятно что.

–Кыш! Пернатое!

Послушалось. Растаяло на глазах. Глюк? Скорее всего. Обошел камень по кругу, наткнувшись на надпись, проясняющую назначение коридора из которого он только что вышел:

«Тупик. Если повезет, временная червоточина».

Интересно! Вернулся к искомой точке. Взгляд вновь лег на выдолбленную писанину на камне. А вдруг?! Прикинул. Значит так! Голодать совсем не хочется, чай не военное время, страна из холода и голода, лет уж десять как выбралась. Отпадает!.. Жениться уж точно не хотелось. Молодой еще, до тридцатки не дотянул. Не-е-э! Не вариант. Остается... Ну совсем охренели! Гм!.. Перетопчутся. Авось выживет. Значит – прямо...

Как и Давыд, Михаил, приземлившись на дно колодца, оклемался быстро, быстрее чем брат в свое время. Темнота крошечная, только на уровне колен, будто из норы свет проникает. Тусклый свет, почти ничего толком не разглядеть. Протолкнув перед собой вализу с золотишком старухи, выполз в какой-то коридор. На ноги встал, оглянулся. И прав-

да нора, но что ему в той темноте делать, когда вполне нормальный туннель имеется, а дорога куда-то, да приведет.

«Живой, значит!» – Мишка сразу смекнул, что братан именно этим путем пошел. Некуда ему деться, догонит.

До огромного камня добрался довольно быстро. Относительно колебаний под ногами, даже не заморачивался. Надпись, старинным слогом гласившую, когда-то, где-то слышанное указание путей следования, развеселила. Надо же! Однако, весельчак кайлом потрудился. «Направо поедешь – женату и богату бысть, коня потерять. Налево поедешь – коня спасать, бысть голодну да холодну. Прямо поедешь – убиту бысть». Постоял, подумал. Может и не весельчак вовсе. Три дороги. Ну и?.. Оно конечно если разобраться, ерунду накорябали. Так ведь, а вдруг?.. Именно для Мишки решение однозначное напрашивается. Бедовать он не хочет, да и отвык уже бедовать козырный цыганский валет. Цыгане говорят: Бедный – считай, что вор. Не-э! Не пойдет! Убитым быть, идиотизм полнейший. Что может быть глупее хладного трупа? Разве что только бедность? Не для него дорога. А вот, ежели разбогатеть, то не обязательно жениться. Надежда только на то, что и брат дураком не был. Решено, идет направо. Да здравствует богатство! Прикоснулся рукой к камню. О! Теплый.

Свернул направо, ускорившись, пошел в надежде догнать брата.

Глава вторая. «Брызги осколков разбитого зеркала»

Выход из туннеля ознаменовался дверью из железа с облупившейся краской на полотне. Прошелся по ней ладонью, пощупал. Нда! Не сейфовая конечно, только повозиться все же придется, но главное, кроме ножа у цыгана никаких инструментов нет.

Потыкался. Поскребся без результатов. Пару-тройку раз плечом приложился. Глухо! Стеной стоит, не сдвинешь, когда вдруг услышал, с той стороны в замке ключом провернули, дверь со скрежетом «пошла» на выход. Давно петли не смазывали.

Из открывшегося проема с той стороны мужской голос оповестил:

—С прибытием, земля! Я уж думал, ослышался. Решил было, что за свою жизнь так никого и не дождусь. Проходи, что ли?

Интересно, куда это он прибыл? Ну, раз приглашают, нужно воспользоваться.

Протиснулся в лаз. На этой стороне не было коридора, если не считать узкого, полутемного прохода, ограниченного стенами из бетона, а над головой вместо потолка «зависло» днище, скорее всего большого автомобиля. Человек, встречавший его, одет был в промасленную спецовку странного

покроя, вроде танкового комбинезона, но с желтыми и синими вставками на плотной материи. Мужику лет сорок. При тусклом освещении распознав удивление на Мишкином лице, усмехнулся, пояснил:

– Да ты не бойсь! Автосервис здесь, а я его вроде как владелец, на самом деле хранитель перехода. – Осознав, что пришелец мало что понял, остановился для объяснения. – Это у нас семейное дело, за дверью присматривать, ну и в Мир пришлых с той стороны пропускать, а придется, то и обратно.

Странный товарищ. Вроде бы и нормальный, а не в себе. Вздвинченный какой-то!

Выйти из узкой кишки с громадой металла над головой нетерпелось, но Мишка спросил:

– Зачем?

– Зачем? Гм! Сложный вопрос. Ты знаешь, толком уже никто и не упомнит, кто нас сюда приставил и почему. Если честно, то забылось знание – для чего все это нашей семье нужно. Знаем, что так положено и все тут! Да и появляетесь вы... Ну, такие как ты... редко. При отце так никто и не вышел. При деде тоже. А вот прадед... говорят, выпустил одного. Слушай, а что там за дверью? А то нам строго-настро-го... Хотя ладно, потом расскажешь. Поднимаемся.

Понятно, что ничего не понятно. Какой-то дурдом на колесах! Чуть пригибаясь, двинулся к ступенькам, почти уткнувшись в спину провожатому. Тут и пройти-то всего де-

сяток метров. Только подняться намылились, как снаружи послышался шум и скрежет отпираемых воротин.

— Стой! Будь здесь. Тебя перед людьми запрещено светить. — Приказал «хранитель». — Ща разберусь, кто самоуправствует.

Мишка присел на бетонных ступенях лестницы, лишь чуть приподняв над полом голову, выглядывал, пытаясь понять, что происходит. Автомобиль над головой скрадывал большую часть картинки, но слух ловил происходящий кипишь, как потом оказалось в большом ангаре с высоким потолком и кучей балок. Что не все в порядке, мог только домыслить по ругани, а потом и по выстрелу, прогремевшему совсем рядом.

Сломанной куклой на бетонный пол рухнуло тело в знакомом комбинезоне. Рассмотрел подошвы башмаков встретившего его мужчины. Да, что происходит? Со мангэ тэ кира? Прислушался. Говорили не таясь, в полный голос:

— ... Нет! Васковец одиночка, подсобников не брал, но деньги платил конкуренту нашего шефа. Иди. Скажи, что здесь чисто, хозяин не против и можно воспользоваться мастерской автосервиса. Пусть заезжают... Стой! К шефу вон хоть Колюню направь.

— Сделаю! А ты?

— Здесь подожду.

До Мишки дошло. Неудачно он выбрался, почти в лапы бандитам угодил. Но как же борзо себя ведут! Сейчас зата-

иться, выбежать все равно не успеет, а мужика жалко. Ой, жалко! Хорошим человеком видать был. Не за понюшку табака пропал, пристрелили как собаку бездомную. К кому же его судьба занесла? Что может быть такого от не совсем далекого поселка?

За пределами гаража слышалось урчание транспорта и шевеление людей. Из открытой дверной створы, потянуло холодом. В отворившиеся ворота проникли люди. Без особого галдежа что-то делали, сустились, даже ругались.

Приподнявшись из ямы на руках, высунулся из-за колеса. Так и есть, бандиты. По-другому о них не скажешь. Как раз напротив, рядом с длинным верстаком, к двум замызганным стульям привязали седого мужчину и совсем молоденькую девушку. Те особо не сопротивлялись, вели себя подавленно. А еще рассмотрел, рты обоих были заклеены прозрачной лентой, такую, Михаил первый раз в жизни видел.

В гараже трое остались, это если пленников не считать, ну и тех, что могли на улице оказаться. Урки вели себя развязно и по всей видимости им это нравилось. Словесно издевались над «скованным» мужчиной. С девчонкой вообще не церемонились, мало того, что лапали, так еще пару добрых пощечин отпустили, при этом косились на мужика. Как реагирует? Седовласый пленник, крепкий орешек. Небось зубы сцепил, глазами гаденышей сверлит, но даже не вырывается, понимает без толку все в его положении. Девушка мычала, сопротивлялась, тем самым еще больше распаляла насиль-

ников. Чем грозили и как подтрунивали, Мишка мимо ушей пропускал. Первоначально страха не было, было непонимание происходящего. Можно предположить, мужик из деловых, скорей всего задолжал большие деньги. Вот их из него и выколачивают. Мишку это не касалось, сам не святой. В другой раз он бы мимо прошел. Пусть гаджо сами между собой разбираются! Так ведь свидетелей не любит никто. Только одно «но» вцепилось в сознание, кто поручится, что его не обнаружат в смотровой яме? А еще... Замечалась за ним одна особенность характера, проявившаяся в раннем возрасте, когда на его глазах пьяные мужики мамку избивать стали, мол грязная воровка у кого-то из них деньги украла. Зверел! И это при его-то легком, контактном характере, умении пошутить и оценить шутку другого человека. Вот и сейчас при избииении девки, его переклинило, люди в гараже не шутили.

Из чехла в рукаве на левой руке извлек нож. Наилучший способ его применения – внезапная атака. Для этого и надо-то всего, незаметно подобраться к врагам сзади. К ножу Мишка привычный, а нож у него – стилет обычный. Вернее заточенный трехгранный напильник, в мире уголовников такие, еще «пикой» кличут, только этот посажен на удобную рукоять. Пользоваться им привычно. Дядко Роман сизмальства учил Мишку хватам и уловкам с ножиком. Уже хворый и немощный, старый цыган вообще натаскивал постоять за себя. Показывал, как правильно драться и куда ударить, чтоб человек больше не встал. Не день, не два гонял мелкого цы-

ганенка, никогда не знавшего родного отца. «Ученик» как выпадал свободный час, бежал к «учителю», а тот доступно объяснял законы цыганского народа, давал расклады, как в том или ином случае по жизни поступить следует, ну и рукопашку ставил на свой уровень. Это делал он мастерски, говорил мол, наследие рода. Когда к их табору прибился, весь Романов род, который из его одного и состоял, потому как много цыган войну не пережили. Они с Мишкой потому друг к другу и потянулись, что оба себя ущербными считали. Мишкина семья пришла в слободе, Роман тоже... Да, давно уж нет дядьки Романа! А Мишка... Мишка от старика усвоил неписанные истины.

Бой ножом начинается либо с мгновенной атаки, либо с защиты. Бой прост и сложен одновременно. Прост – потому как, практически все удары и защиты с ним, совпадают «рисунком» с ударами и защитами безоружной рукой. Сложен он, потому как, нож надо чувствовать неотделимой частью руки. В скоротечном встречном бою иметь молниеносную реакцию. Ну, и все наработанные удары доводятся до полного автоматизма движений. Не нужно замысловатого «рисунка», не нужно «играть» ножом в пальцах, перебрасывать его из одной руки в другую, совершать бессмысленные движения. Только действие! Только осмысленное движение! Шаг – атака. Уклон – защита. Прыжок, бег и даже кувырок в падении – в бою все в дело пойдет, лишь дурковать не надо. Жизнь, она одна! Вдох! Выдох! Бой!

Разогнувшейся пружиной выскочил из ямы. Метнулся к вставшим спиной к нему бандитам. Шумнул. Рубящим ударом по шее сбоку рассек сонную артерию ближнему из них, успевшему повернуться на нечаянный звук подошв обуви.

—Ап-пп-хр! — заливаясь кровью из порезанной шеи только это звук и смог извлечь из горла.

Рядом с ним стоявший, оказался шустрым малым. Мишка даже удивиться не успевал, как заметил ствол в его руке. Еще миг и направит точно ему в грудь, нажмет курок. Некогда что-либо придумать. Взмах руки и нож срывается с запястья. Между ними три метра.

—Г-гыть!

—Х-хук!

Стилет по рукоять вошел клинком в грудь противника. Ударом ноги тупо отвалил, уже мертвеца, прочь от себя.

Времени нет. Вперед! Третим на очереди высоченный, здоровый как слон увалень. Он, наверное до сих пор толком не понял, что их троих обижают. Да, нет! Что-то все же дошло до куриных мозгов узколобого черепа, кажется даже, взгляд пытается ситуацию осмыслить. Но тяжело, неповоротливо мысль пробилась в нужное русло.

Подскочил к опешившему от наглости крепышу вплотную, вцепился обеими руками в плечи, ощутив запах табака изо рта казавшегося неповоротливым гамадрила, начавшего приходить в бешенство. От души лягнул коленом в пах...

—Й-ё-о! — вырвался хриплый возглас из горла амбала.

...когда голова противника от боли в гениталиях поклонилась вперед и вниз, основанием ладони согнутой руки ударил в, словно специально выставленный подбородок снизу вверх, вкладывая в удар вес своего тела. Хруст шейных позвонков привел в чувство. Силач мешком рухнул на бетонный пол. Перестарался! Оно и понятно, чем больше шкаф, тем громче падает.

Продышался. Все-таки не угадал. Думал, что как раз с последним бандитом больше всего проблем будет. Ошибся.

Оглянулся. Примотанные к стульям и мужчина, и девушка смотрели на него расширенными глазами. Вернее, так смотрела девушка. А вот мужик, глазел оценивающе, с интересом. Он сразу в ситуацию въехал. Когда Михаил только перевел на него внимание, сразу замычал, задергался. Ясное дело, освобождать их нужно, и чем быстрее, тем лучше. Могут ведь другие кагалом припереться.

Подошел к трупу второго убиенного. Нагнувшись, вытащил заточку из груди, об одежду «страдальца» вытер клинок. Сначала освободил от пут седого, потом и девченку. Оглянулся за спину, а мужик уже пистолет в руку взял. Во, нервы у человека! За то девка после освобождения, первым делом на шею Мишке кинулась, руками обвила, плачет. Спаситель, мля! Да, отстань уже наконец!

Бух! Выстрел в большом помещении с высоким потолком прозвучал громко, но сухо. Мишка встрепенулся, пытаясь отделаться от девицы, вцепившейся в него как клещь. Глаза

нашарили источник шума. Это седой добил гамадрила.

—Папа!

Ф-фух! Отцепилась!

Открылась воротина и в гараж ворвались сразу двое мужиков с оружием в руках, но не слишком озабоченных своей же безопасностью.

—Что вы тут?..

Седой не жалея патронов стрелял по корпусу вбежавших, как по поясным мишеням. Убил обоих конечно. Из рук одного из новоприставленных извлек автомат, щелкнув затвором, только после этого спросил спасителя:

—Ты кто?..

* * *

То, что близнец идет за ним по пятам, Давыд даже не догадывался. Шагал по подземелью, куда шагать неизвестно кем, возможность предоставлена была. Поторопился, шаг прибавил. И эхо заторопилось, прибавило звука. Что ты будешь делать? От полноты чувств и выматывающего гула при телодвижениях в пустом лабиринте, от души пнул попавшийся по дороге булыжник, непонятным образом лежавший на щелбе. Почти голыш, тот отлетев, врезался в стену. Освещение мигнуло, но восстановилось, только гул по коридору прозвучал. Показалось, воздух волной содрогнулся. Чуть ли не на голову Давыда, с «потолка» ляпнула горка земли, оставив

в своде добрую выемку. Чудом успел отскочить.

Постоял, ожидая, что в любую секунду накроет. Куда попал? Зачем занесло сюда? Одному Богу наверное известно! Идти вперед по зыбко освещенному коридору боязно, свод над головой после осыпания, кажется хлипким. И не идти нельзя, за спиной эта нора обвалилась. Еле ноги от завала унес. А вдруг снова земля трясонется, тогда потолочный грунт похоронит его в этом месте. Тогда и впрямь, никто и знать не будет, что был такой Давыд Улыбин. Значит только вперед.

Стараясь не шуметь, ступать осторожно, посеменял по подземной кишке туда, куда она выводила. Действительно, от него ничего не зависело. А между тем кем-то проделанный штрек раздался вширь и вверх, не нужно уже сгибаться в три погибели. Только капель с потолка напрягала воображение в возможности схода земли на голову. А еще ощутил сырость и отступление в воздухе спертой затхлости. Дышать стало легче. Под землей и время по-иному проходит, раньше не проверял, а теперь... Остановишься – кажется и оно встанет... Только не останавливаться, не думать о плохом. Ведь должен же быть хоть какой-то выход из этой мышеловки.

Освещение коридора куда-то исчезло, осталось где-то за спиной. Темнота, хоть глаз выколи. Что там впереди белеет? Ему туда.

Вышел.

–Ай!

От яркости картинки зажмурился. Больно! Будто шилом в оба глаза кольнули. Продышался. Невероятно! Кругом день-деньской, но... осенний. И он сам стоит явно не в благодатной ростовской степи. Давыда со всех сторон окружал сосновый лес, склоном уходивший вниз по пологому косогору. Во, попал! Бррр! Прохладно! Оглянулся за спину. Из норы едва клубится влажный пар. Нормально, да! Куда занесла нелегкая?

Солнце выглядывало из-за верхушек застывших деревьев. Его лучи, пробегая по веткам, кажется, звенели как при трепетном прикосновении... Листва на кустах не опала, но своей желтизной наводила на мысль, что не все так просто в этом мире. Сказка... только почему-то наводящая грусть! Кажется, что вот- вот произойдет какое-то чудо... Вот только чуда не надо! Уж, как ни будь, лучше без него обойтись.

Давид осторожно шагнул вперед, ногой загребая лесную прель. Остановился, закинув голову, закрыл глаза, попытался услышать, распознать, что происходит «под боком». Не нужны чудеса. Совсем не нужны! Ему бы к людям выйти и... желательно в этой сказке не остаться здесь, где среди лета вдруг осень, а среди степи, непонятно как вырастает лес. И звенящую тишину леса слушать надоело.

Из саквояжа достал свитер, единственную теплую вещь, что у него была, одел поверх рубахи. Полегчало... Столбом встал, вслушивался в звуки «густой» стрельбы. Точно стрельбы. Как на танкодроме лупят. Ни бэка, ни мишеней не

жалеют. Эдак не зная куда выйдешь, элементарно под снаряд угодить можно. Смущало и то, что помимо оружейной какофонии, до ушей доносились звуки стрелковки. Учения? Может быть. Даже скорее всего... Так и нарваться не сложно! Ну и как быть?

Принял решение. Вперед! Начал спуск, принимая правее на звуки. Ему бы только моток веревки раздобыть, молоток и с десяток металлических шкворней, а там он назад вернется и по стене колодца влезет обратно в свое «лето». Подумав, чтоб не тащить саквояж, пристроил его у комля сосны, прикрыв мишурой высохшей хвои и иголок. Все равно возвращаться, а так хоть руки свободны. Двигаясь, малость согрелся. Ф-фух! Вышел. Характерный звук с неба заставил поднять лицо вверх, глаза «нащупали» приближение целей. Самолеты. Много. Летят плотным строем и достаточно низко. Рот помимо воли открылся, опустив нижнюю челюсть. Что за..?

* * *

Инопланетная станция работала в автономном режиме. Отлаженный механизм, за

сотни лет эксплуатации и вынужденного простоя, все еще не нуждался во вмешательстве в мозговой контур. Вентиляция обеспечивала стабильные показатели дыхательной смеси. При всем, при этом, сама станция, как объект деятель-

ности, давно была мертва. Тусклый прерывистый свет только подчеркивал это. Если бы кто из посторонних мыслящих, тем более аборигенов планеты Земля, проник на ее территорию, мог узреть неприглядную картину запустения и тлена. При мигающих, светящихся и пульсирующих светодиодных лампочках, чеках и транспарантах, на главном пульте в командном пункте, в креслах операторов восседали мумии, давно умерших инородцев, внешним видом мало похожих на людей. Такие же высохшие мумии лежали на полу, лежаках и креслах в других помещениях. Потому как единая форма одежды имела следы внешнего воздействия какого-то оружия, смело можно предположить, что умерли рептилии не своей смертью. Им помогли в этом. Если добавить ко всему прочему следы борьбы, разгрома и элементы останков людей, догадка напрашивалась сама собой. В том, что здесь произошло, виноваты земляне.

В общем, так все и было. Виновник произошедшего, вернее его мумия, находился сейчас в центральном кресле. Когда-то он был старшим экспедиционной партии расы REPTILLIANS. Сотни лет тому назад, на планету Земля высадились экспедиция высокоорганизованной расы из созвездия Драко. Планету исследовали и образовали базу, для изъятия и переправки биоматериала. Для увеличения КПД процесса работы стационарной станции, командир принял решение, подключить к нему помощников из местного контингента. Поначалу процесс ускорился, пришлось даже уве-

личивать площадь накопителей и количество межпланетных рейсов звездных кораблей. Пространственно-временной канал «пробили» в трех направлениях, при выходе из которых поисковые группы попадали в стабильный период времени. Работать было сравнительно просто. На двух выходах, у аборигенов шла война, еще один выход – преподнес нестабильность организации существования общества. Был и четвертый проход, но в нем время стабилизировать не получалось. Временной цикл проходил безостановочно, чередуя смену эпох. Аномалия. Канал использовали, как утилитарный.

Потом случилось непоправимое. Родная планета «колонистов» подверглась нападению пришельцев из дальнего космоса, связь со своим миром прервалась, а межзвездных кораблей больше не присылали. Предавшие свой вид местные существа втерлись в доверие, считались безобидными животными низшего порядка, не способными противиться воле хозяев. Только это было не так. От случайностей никто не застрахован. Сначала произошла эпидемия болезни в накопителях, и весь биоматериал пришлось спешно утилизировать. На этом неприятности не закончились, из своих узилищ, новой партии дикарей, каким-то непонятным образом удалось выбраться и прорваться во внутренний контур базового пространства. Биороботам, задействованным в подавлении бунта, удалось нормализовать ситуацию, но цена стабилизации оказалась высокой. Роботов, за исключением одной единицы, база лишилась, а их следующей поставки, в свя-

зи с прекращением взаимодействия с планетарными структурами родного созвездия, в ближайшее время не предполагалось. Для дела и лучшего выполнения порученных задач, аборигенам с принудительно измененным сознанием, дали в руки простое оружие, настроенное на минимум. Получилось, вроде устройства резки проходов в скальных породах, но намного слабей. Только в последний миг своей жизни, капитан понял, что сделанная аннигилирующим излучателем надпись на муляже камня, отворяющего центральный проход на объект, не глупость отсталого дикаря, а проверка надежности попавшего в руки оружия. Куратор группы аборигенов доложил о порче имущества базы, донес смысловое значение текста, выбитого струей сырой плазмы резака: «Направо поедешь – женату и богату бысть, коня потерять. На лево поедешь – коня спасать, бысть голодну да холодну. Прямо поедешь – убиту бысть».

–Трудно понять дикаря. – Произнес мысли вслух командир. – Почему именно на входной двери?

–Входной люк под муляжом камня находится. Свешников, абориген взятый в услужение через второй временной канал и подвергшийся психологической обработке с показателем восьмой ступени воздействия, старший команды заменяющей роботов-охранников, пояснил свой проступок тем, что у землян традиционно, все камни на перепутье, как указатели используются. – Разъяснил глупость дикаря куратор. – Говорит, в шутку пометил.

–Наказать за порчу имущества.

–Будет исполнено.

А затем дикари напали на персонал станции. Разразился бой, в котором выживших не было.

...Частые, прерывистые звуки сирены, прорезали помещения станции. Аппаратура просигнализировала о нарушении внешнего контура контролируемой зоны. Программа, заложенная в систему жизнеобеспечения смены и предотвращения проникновения посторонних в станционный периметр или несанкционированный выход из него, сработала без сбоев, блокировав двери командного пункта, помещений отдыхающей смены, рабочих комнат, изолятора с медицинскими саркофагами в нем, накопители биоматериала, и наоборот, распечатала отсек хранения и содержания боевых биороботов. Она же открыла для них коридор-проход и центральную дверь выхода во внешний периметр.

В двадцать седьмом отсеке произошло движение. Пластиковый щит отъехал в сторону, обнажив пустые стойки пеналов. Из крайней справа ниши, под свет мигающего потолочного плафона выступил РН-421 – биоробот, внешне скопированный под представителя земной цивилизации, последний из обоймы роботов-поисковиков. Неуверенными, скованными движениями, проследовал к стеновому пульта получения информации по предстоящей задаче. В операционное гнездо подключения вошел штекер входа. По проводам пошел обмен данными с главным компьютером.

«Запрос на получение задачи».

«Устройство?»

«РН-421, код поставки 55903177541, усовершенствованный под местные реальности, элемент поисковой системы типа «Гончей». Готов к работе в полном объеме. Ситуация?»

«Проникновение мыслящего, живого существа во внешний контур периметра базы. Зона ответственности дежурной смены. Причина задержки силового решения проблемы неизвестна. Количество нарушителей – две особи. Контрольное время изъятия прошло. Проблема не устранена. РН-421 необходимо выйти за внешний контур и кардинально предотвратить нарушение секретности».

«Маршрут?»

«Пространственно-временные каналы № 1 и 2. При выходе во временные континуумы, маркера наложены».

На какое-то время получатель информации завис. «Машина» решала, что делать и как распределить цели, если она одна, а целей больше. Решение пришло. Последовательность нарушений по временным рамкам, снимало вопрос.

«Ввести изображение фигурантов».

«Выполнено».

Десятой доли секунды хватило на сброс изображения лиц землян. Полностью идентичные лица вновь заставили робота подвиснуть. Его не интересовало мельтешение нарушителей у «камня», это не существенно, а вот распознавание элементов примет, приводило к «мысли» о перезагрузке конту-

ров восприятия и памяти. Ошибка?

«Выполняю общую перезагрузку внутреннего компьютера. Перезагрузка завершена. Ошибок в работе не выявлено. Готов приступить к работе».

«К работе приступить. Конечный результат – физическое устранение секретоносителей».

«Принято. Исполняю».

РН-421, отключившись от главной системы, вошел в автономный режим. Миновав коридор, на лифте поднялся на верхний уровень базы, поднявшись по ступенькам, через люк выбрался на внешний контур контролируемой зоны. После выхода не забыл, сдвинуть рычаг возврата, тем самым поставив камень-дверь на место. Размеренным бегом двинулся по пространственно-временному каналу № 2 на выход в иной временной континуум. Преследование началось.

Глава третья. Этот безумный, безумный, безумный мир

Давыд Улыбин – первые шаги в незнакомой реальности.

...Над головой у Давыда, в воздухе синего неба проходила эскадрилья допотопных бомбардировщиков He-111, не развиденных в кадрах военной кинохроники. Насколько помнил их сами немцы еще «Густавами» окрестили. Самолеты с крестами на крыльях. Но сюрреализм на этом не закончился, мираж не развеялся. Прямо над степью, примкнувшей к кромке леса, где его захватили привидения из прошлого, со стороны солнца появились три маленьких вертких самолетка с красными звездами под крылом. Они тут же «огнем» атаковали противника, заставив его нарушить строй и отбиваться. За одним из «Густавов» потянулся шлейф, но он не горел. Скорее всего баки пробило и топливо сифонит. «Хейнкель» вдруг отвернул в сторону, свалился на крыло, клюнул вниз и скрылся за кронами деревьев. Только «поле боя» втянуло в круговорот новых участников противостояния – двенадцать истребителей с однотипными рисунками на фюзеляжах. «Пернатые» набросились на «наших», в одно мгновение срезав всех троих. Улыбин как в кино наблюдал картину боя перед глазами. Тот русский истребитель, что ближе всех был к опушке леса, в один миг превратился в пылающий факел. Но прежде чем разлететься на отдельные

обломки, из его кабины вывалилась крохотная фигурка человека, а вскоре над ней раскрылся белый купол парашюта.

—Твою м-мать! Твою ж м-мать! — помимо воли вырвался из уст возглас. — Гады!

Снижаясь, один из фашистов волочил за собой черный шлейф дыма. Летчик надеялся уберечь самолет, но не справившись, встретив твердь земли в степном разнотравье, плюхнувшись, взорвался, подняв над местом гибели сполох огня и черный чад.

—Так тебе..!

Снова сбившись в строй, под присмотром истребителей, бомбардировщики уходили в район канонады. Улыбин, еще толком ничего не осознав, метнулся туда, где мог приземлиться воздушный боец. Летчика нашел быстро, тот раскачиваясь на ветерке, завис на дереве.

—Эй! Ты там живой?

Молчок. Рассмотрел. Человек без сознания. О-хо-хо! Придется самому.

Канонада и раскаты бомбового удара давно прекратились. Стемнело. Помогая летуну в переходе, по его карте шкандыбали к ближайшему населенному пункту, деревушке на противоположной оконечности леса. Все это время волоча контуженного летчика, Давыд мысленно проворачивал комбинацию с ним самим. Из скоротечного рассказа понял, занесло его в осень сорок второго года, да еще и в Воронежскую область. Как такое произойти могло? Шутка? Только бой в

небе и кресты под крыльями самолетов, все говорило об обратном. Ну и что теперь? Это... Это примерно в шестистах километрах от поселка, в котором братец заякорился. Ничего себе!..

По кромке вдоль леса, вышли к деревеньке, встретившей их тишиной и темнотой подворьев. Константин, младший лейтенант, а с недавних пор попутчик, утверждал, что на восток до линии фронта не далее пятнадцати километров, но сама «линия» решето сплошное, а в иных местах «слоеный пирог» из войск противоборствующих сторон. Улыбин кулаком постучал в ворота с навесным замком на петлях. Тишина за забором.

—Фронт рядом, — предположил Травников, — селяне жильё бросили и ушли. Собаки и те не брешут.

—Может и так. Но хоть что-то съестное должно остаться, не в огороде так в погребе. Подсоби, спиной в ворота упрись и руки подставь, я сейчас...

Напарнику в ладони смеженные лодочкой, ногу как в стремя поставил, оттолкнулся, другой ногой, спружинил от его левого плеча...

—Г-гык!

... перевалился через высокий забор во двор. Огляделся. Темное пятно дома не вызывало сомнений, что в нем пусто. Подошел. Дверь была на запоре. Только решил внутрь попасть, когда со стороны услышал шарканье под легкой ногой. Метнулся к углу дома. При свете неполной луны увидал,

от сараев шла женщина и она совсем рядом. По молодежовому лицу видно, сильно напугана. Терять ему нечего, как тать ночной вышел перед ней.

—Ой!

Чуть ли не скачком подалась прочь, но не сбежала, пятой точкой засев в не скошенную траву у натопанной дорожки.

—Вечер добрый, хозяйюшка! — пиная на свою глупость, поздоровался Давыд. — Прости за то, что напугал. Чес слово не подумал. Ежели не обиделась за дурость, поделись углом на ночь, к своим выходим. Нам бы до утра...

По сторонам зыркнула, в себя быстро пришла. Спросила:

—Куда ж от вас денешься? Остальные-то гости где?

—Нас всего двое. Второй у ворот стоит, подранили его слегка.

—Там не пройти. От соседа боковая калитка, через нее и ходим.

—Ясно. Немцы в деревне есть?

Как на ущербного посмотрела.

—Какие немцы? Мы ж на советской территории... А фронт, он совсем рядом. Как утро наступит, снова стрелять зачнут...

«Ну, летун! Сусанин доморощенный!»

—...Ты в сарай ступай, по-летнему одет. Замерз? Там на-топлено. Я твоего товарища приведу сама.

Сарайка с печкой буржуйкой и стайкой полной овец, встретил Улыбина людским гомоном. Они с Травниковым в

пустую деревню не первыми наведались. Хозяин, мужик в возрасте с густой бородой и папахой на голове, одетый в шаровары с лампасами, рубаху и жилет из овчины, хитроватым прищуром оценил вошедшего в помещение, освещенное керосиновой лампой, привешенной на гвоздь к балке под низким потолком. Предложил:

—Скорей заходи, тепло выпускаешь! Кто сам будешь, лишенец?

Съедая слова, проямлил, что мол гражданский, инженер на железной дороге работает, а как бомбить стали, то в степь побежал, ну и заблудился. «Легенда» конечно белыми нитками шита, но что на скорую руку в голову пришло... Как-то не подумал раньше, что перед кем-то ответ предстоит давать. Теперь точно все обмыслить придется.

—Тю-у! И де ж та железка? Сколько это тебе блукть пришлось?

—Не знаю.

—Продрог. Проходи к буржуйке, грейся.

Смолкший было гомон снова набрал обороты, в сарае собралось под десяток красноармейцев, причем как понял, все танкисты. Пока Травников пришел, успел понять, что народ «не местный». Эшелоном из под Уфы их на этот фронт перебросили считай утром. Техника – БТ-70, со складов длительного хранения снята была, а экипажи – солянка сборная, из госпиталей, с «гражданки», из училища. Слепили батальон и на юг отправили, а здесь прямо с колес на латание дыры

бросили. Не добрались! Налет «Хенкелей» застал их на марше. В голой степи, где нет дорог, а только направления, а еще без прикрытия, для немецких летчиков легкие танки составили лакомую добычу. Короче... Раздолбенили батальон с воздуха, будто орехи покололи. Кто выжил, разбежались куда смогли. Эти, которые здесь, друг дружку и не знают почти.

По указке деда, молодуха принесла добрый шмат сала, каравай хлеба и «четверть» самогонки. Отогревшиеся в тепле люди избежавшие смерти, отведав угощения развязали языки. Улыбин помня наказ своего воспитателя: «Пей, да голову имей», на спиртное не налегал. Чуть приложившись к стопке, больше слушал говорливых.

—...Первый бой? Это еще в сорок первом...

Повышением градуса, увеличился накал солдатских баек, алкоголь снял стресс от недавней встречи со смертью. Отпустило! Разухабистый русский характер брал свое. Кто-то посоветовал:

—Эх! Посадили бы на «тридцатьчетверку»! Говорят...

—Ш-ша! Успеешь еще и на «тридцатьчетверке» повоевать, раз сегодня выжил. — Усатый старшина от души хлопнул по плечу соседа-мечтателя.

—Хотелось бы! Наливай, что ли?..

В сарай зашел кто-то из бойцов, говоря, что никакой опасности нет. Подвыпивший народ решил, что на своей территории незачем нести караул, если сам хозяин утверждает, что к нему никто не ходит. Улыбин больше суток не спал. Ото-

грелся. Отделившись от «честной компании», выбрав место, пристроился вздремнуть, укрывшись рядом. Но что-то все-таки насторожило его, может быть напускное радушие хозяина? Больше молчавшего, но с хитринкой, холодным взглядом наблюдавшего за гостями. Только засыпать стал, так Травников под бок подсунулся. Видать тоже укатал лейтенанта минувший день и выпитый самогон. Чисто на автомате подметил, как напарник сунул пистолет под голову, прямо под подушкой свернутый мешок, набитый сеном. Вырубился.

Проснулся внезапно. Почудился всхлип под боком. Сначала глаза открыл, ушами сканируя тишину. Полутемень во круг, а значит «керосинка» светит. На грани возможного почувуал дыхание чужого рядом. Рывком подтянулся, спиной уперевшись в стену.

«Дед!»

Старый, всего лишь в шаге от него стоял. В руке хозяина нож, клинок отсвета не дает, кровушкой испачкан. Заполотно спросил громким шепотом:

—Ты это чего, дед?

Услышал голос хозяина. Тот не шептал, но показалось, что голос его сильнее любого удара по уху будет:

—Та не бойся, паря! Я тебя быстро! Даже почувствовать не успеешь, последним остался.

Скосил глазом на «соседа». Действительно, Травников вряд ли жив, поза мертвому соответствует. Попытался пооб-

щаться с убийцей, время расправы оттянуть, может на что-то сподобиться.

—Дед, ты же наш, советский!

—Дур-рак ты, инженер! Разные мы стали, вот как раз когда Дон рассказчили. Ты не они. Цивильный. Потому можешь глаза закрыть, ну и помолиться, коли умеешь...

Мысли в голове галопом понеслись. Вот тебе и надпись на камне сбывается. Не долго мучилась старушка... От волнения, вспотевшая ладонь скользнула под материю мешка и кончики пальцев коснулись холодного металла. Пистолет!

—...Готов? Ну, Царствие тебе...

Просунул руку, в ладонь выхватывая рукоять «ствола». Выпростал зажатый в кулак пистолет, направив ТТ в лоб деду, не успевшему удивиться, на курок нажал. Одиночный выстрел громким звуком разнесся по обширному помещению, заставив овец в стае заблестеть, затеять кавардак в тесном загоне. От близости расстояния к объекту выстрела, деда отбросило к почти притухшей буржуйке, где он тут же и затих, раскинув руки по сторонам.

Улыбин поднялся на подрагивающие в тремере ноги. Не каждый день человека на тот свет отправляешь. Подошел ближе, взгляделся. Готов! Прямо в лоб пуля угодила. И что теперь?

Осмотрелся. Ловушка для советских солдат сработала на совесть, всех дед упокоил. Не-ет! Валить нужно в свое время, и чем скорей, тем лучше. Валить! Только сперва верев-

кой, молотком и какой-либо железной «фурнитурой» разжиться...

За спиной скрипнула дверь, заставив отскочить в сторону, обернуться и направить ствол ТТ на вошедшего. В проеме увидал дедову дочь, столбом вставшую на выходе. Даже при таком скудном освещении видно, баба на нервах вся, а в руке полоску косы сжимает. Взглядом тело деда нащупала, а потом на Давыда внимание обратила.

—Косу брось! — потребовал Улыбин.

Не послушалась, как привидение подалась к нему, в замахе отводя руку с оружием для удара.

«Вот дуреха! И что, стрелять?»

—Брось!

—А-а-а!

Напала, но так неумело. Успел увернуться, повалить молодуху на земляной пол. Завернув руки за спину, уселся на нее сверху, испытывая постоянные попытки хозяйки освободиться из захвата.

«Н-ну! Задрала!»

Рукоятку пистолета ударил ей по голове, в конце концов хоть на какое-то время успокоив гадину. Отдышавшись, брючным ремешком связал руки. Вот теперь думать!

Захотелось чистого воздуха глотнуть, отрешиться от помещения «мертвецкой», обильно и непривычно пропахшей терпким запахом свежей крови. Вышел в ночь. Прохладно. Луна светит. Голова болела, может от нерешенных мыслей.

Хотелось пить, во рту сухо. Подался к кади у стены. Сунув ладонь, дотронулся до воды в ней, умылся. Полегчало, мог думать...

Бессонная ночь не бесконечна. Улыбин поднялся на ноги, до перехода в свое время еще добраться нужно. Переодевшись в одежду одного из покойников, согнал складки под ремнем. Чем не танкист? Почему переоделся? Так ведь в своей одежде для чужого взгляда он выглядел по меньшей мере странно. Теперь у него на всякий пожарный, даже документы имеются.

Связанную молодайку препроводил на место, туда, куда она и ночевать уходила, в баньку. Пока вел, кусаться пыталась, обзывала. Пусть! Овец из сарая на двор выгнал, а сам сарай вместе с покойниками запалил. Простите парни, но по-иному похоронить вас не получится. Огонь быстро побежал по соломе, по высушенному ветром, солнцем и морозом старому дереву, поднимая к небу клубы дыма. Уходил, в последний раз оглянулся на приютившее подворье. Молоток, веревку и шесть шкворней он все же нашел.

На востоке только светлеть стало, но за кромкой леса сплошная темнота. Давыд огибая его по кем-то проторенной полевой дороге, прикидывая, когда свернуть, шел назад. Где-то неподалеку та береза, с которой летуна снял, дальше промахнуться не должен, а там километра четыре по лесным буеракам прошагать и выйдет как раз к косогору, ну и к пещере соответственно. Хватит с него давно минувшей войны. По

самые гланды хватит! Человека убил. Врага, но все же человека... Задумался. В последний момент различил звуки моторов за спиной.

Одинокую фигуру обогнала машина. Улыбин сразу определил в ней отечественный внедорожник довоенной конструкции. ГАЗ-64. Точно. Остановилась метрах в десяти впереди. Следом тормознула бортовая машина сопровождения. В открытом кузове полтора десятка бойцов в шинелях и пилотках, с автоматами в руках. Даже в сумерках видно, ко всему готовы. Начальство «пасут»? На Улыбине глазами дыру протерли, хотя и округу на совесть сканируют.

Из машины вышел скорее всего сам генерал в кожаной куртке и фуражке, взмахом руки подозвал к себе, заставив пробежаться.

Ого! Генерал-лейтенант, согласно звездам в непривычных петлицах под расстегнутой курткой.

—Кто таков?

Изъятые у погибшего в сарае танкиста документы изучил, без запинки доложил как положено:

—Младший лейтенант Кривошей, командир танка маршевого 17-го батальона легких танков.

—Это который... — генерал смолкнув не договорил.

Улыбин догадался, кивнул, продолжил недоговоренное генералом:

—Так точно. На марше авиация противника разбомбила. Без прикрытия шли, ну а кто смог в степь подались.

–Нда! Сам-то цел?

–Так точно.

–Садись в мою машину, отвезу к запасникам, там определимся. Садись-садись! На открытом борту с охраной, на ветру замерзнешь.

Пока ехали, поспрошал о нем, о службе.

–Рассказывай...

Помня разговоры у раскаленной «буржуйки», добавив воспоминаний о первых днях войны начальника штаба полка в котором служил в «прошлой жизни», в грязь лицом не упал, отвечал бойко:

– Еще в апреле 41-го получил вызов из Минского имени Калинина, танкового училища. Экзамены сдал, а первого мая уже в параде на площади Ленина участвовал. Сразу после парада нас вывели в летние лагеря в Большое Стиклево, что под Минском. Лагерь как картинка в лесу, больше на парк похожем. Линейки, палатки. А в пять утра 22-го июня враг уже бомбил лагерь. Под Березиной первый бой принял... Потом Смоленск был. Да-а! Уже из Рославля всё наше танковое училище вывезли в Ульяновскую область. Там оно стало вторым Ульяновским...

–Какие танки водить умеешь? – перебил генерал.

Хотел выпендриться, что мол любые, да вовремя язык прикусил.

–В Минске Т-27 изучали и Т-37, плавающий, пулеметный. Потом БТ-7. В Ульяновске, Т-60 и Т-70.

–Дальше.

–Училище окончили в июне этого года, и нашу группу направили в Киров. Там при заводе есть отдельный учебный танковый батальон, где формируют маршевые роты. Вот, удалось на фронт выпроситься, только вместо «тридцатьчетверки» снова... Нда! Под Уфой сформировали 16 экипажей, но сколачивания не провели, сразу сюда. Дальше вы знаете.

Врал и не краснел, переделав под себя биографии подполковника Чижова и того же Кривошея, принявшего смерть этой ночью.

–Знаю...

* * *

Михаил Вишняков – впечатления о пребывании в предбаннике чистилища.

Повезло ли Михаилу с попаданством больше или равнозначно фарту братишки? Кто оценит! Как говорится, бабка надвое гадала.

Разорванная на клочки суверенитета страна, обессиленно лежала под тяжестью внешних и внутренних проблем и противоречий. Зарубежные друзья приложили к такой постановке дел свою руку. Верхушка, можно сказать новая элита страны играла в большую политику, «на местах» она наравне с добровольными помощниками и советниками «из-за бугра» дербанила ресурсы, спецслужбы рассыпались как кар-

точный домик, армия трещала по швам, но обманутая, голодная, пока держала удар. Ну а основные советники, словно стая шакалов, из-за океана наблюдали за агонией умирающего медведя, в любую минуту готовые перехватить у тех, кто поближе, освободившуюся территорию для охоты. Они же финансировали шедшую на юге войну с противоположной стороны.

На города страшно смотреть, и внешне, и по сути своей, они превратились в серую тень былой красоты и мощи. Люди влачили в них жалкое существование. Улицы – барахолки старьевщиков. Рынки – помойки. Но даже все это, не могло в один миг смыть красок бывшего величия и богатого наследия предков...

Как и любая другая группа людей, группировка Владимира Ненашева самоорганизовывалась в его сеть по понятной схеме и имела строгую иерархию. Согласно занимаемой в этой иерархии «должности», человек в группировке зарабатывал определенную сумму. «Пешки», молодняк 15–16 лет, собирающий дань со школьников помладше, имел мизер, но в целом приносил в кошт главаря и свою добрую лепту. Так называемые «взносы» от каждого школьника составляли около 200–500 рублей по нынешнему курсу. При этом пешки не могли присвоить эти деньги и передавали их дальше по «лестнице». Следующей ступенью были «пацаны», возраст которых был от 16 до 25 лет. Эти парни выполняли роль пушечного мяса для людей авторитетных, занимались они

«крышеванием» школьников, торговали наркотой и дрались за территорию. Зачастую именно они участвовали в рэкетирских захватах.

По подсчетам Голована, бухгалтера ненашевской банды, один пацан ежемесячно добывал Князю, то есть Владимиру Ненашеву, 4-5 тысяч рублей. А ведь только в одну группу входят от 100 до 300 пацанов. Значительно выше пехоты стоят «бригадиры». Эти и взрослее и умнее своих подчиненных, потому и прав у любого бригадира больше, но и обязанности обширней. Решение кого «крышевать», а кого в распыл пускать, за кем наблюдать, кого «прикормить», именно на них ложится. Кто сколько будет отчислять в общак, тоже бригадир решает. Главари молодежных банд все собранные «на своей земле» деньги несли Князю, но себе они могли оставить не более семи процентов от собранного.

А еще, Ненашев, в прошлой жизни имевший быстрый ум и два верхних образования, пошел в развитии своей организации дальше остальных паханов, поделивших город и область на зоны влияния. Он сформировал «гвардию». Проявившие себя «бригадиры» становились «бойцами» и выполняли иные функции. Им не требовалось перечислять деньги в «общак». Их содержал сам Князь. На сегодняшний день они «зарабатывали» от 70 до 200 тысяч рублей. Но эта сумма не была пределом, они могли продавать награбленное имущество, которое включало в себя автомобили, дорогую мебель, элитную недвижимость. Сердцем «пред-

приятия» Ненашева были десять человек, которые занимались планированием всех действий и руководили "бойцами". Нередко их можно было встретить в ряду совета директоров "крышуемых" предприятий. По действующему курсу их доход составлял 600-800 тысяч рублей в месяц. Главари, по иному «авторитеты», старались не выделяться. По первому зову лидера, слетались на «совет». Иногда они могли зарабатывать до нескольких миллионов долларов. Ценой за такую жизнь был страх заказного убийства от главаря другой банды.

Сам Князь, кажется ничего не боялся. Он белая кость, можно сказать в этой части России некоронованный царь и немножко Бог. Если ему что-то от власти потребуется, ногой дверь откроет и напрямик к губернатору любой из областей войдет, а то и просто по телефону позвонит, выскажет наказ или пожелание. Вот к такому человеку попал Михаил Вишняков.

Ненашев совсем не добрый дядя. Жизнь такая! Но к Михаилу по-доброму отнесся. Рассчетливый мужик, просчитал в частности и то, что пришлый с южных территорий залетный парняга, непохожий на блатного и спортсмена, тем более на представителя спецслужб, не обладает среди местных связями. Сметлив и все на лету схватывает. По повадкам – чистый «совок», щенок не оперившийся, но щенок породистый. Навести лоск, воспитание дать и можно к делу приобщить. Крови не боится, решения принимает правильные, а

значит, и ответить за содеянное не побоится. Короче, не го-блин. А самое главное, в тот момент, когда жизнь Князя на волоске висела, именно этот парень на помощь пришел. Значит спиной к нему повернуться можно. Не продаст. Деньгами Ненашев его «осыпал». Не подставит. Надобности такой нет. Но Князь не был бы Князем, если б не поручил новому начальнику охраны осуществить проверку человека, проживавшего под одной с ним крышей. Все указания по выяснению обстоятельств своего захвата и выявлению шпиона, а то и шпионов в своей «империи», поручил «начальнику контрразведки» Сизому. Ведь продал же его кто-то?

Сизый, иначе Сизарев Николай Иванович, в прошлом офицер военной разведки, осужденный за провоз оружия и матценностей с территории Афганистана в Советский Союз, дело знал и копал по-крупному. Шушера уже раскололась по эпизодам крысятничества, но это все не то. Только при тотальной проверке выяснились ряд непоняток в эшелонах повыше, на основе которых, потянулась ниточка к нужному человечку. Время шло, дело раскручивалось. И в один из дней Сизый звонком к Князю попросил о скорой встрече.

–Приезжай. Жду! – соглашаясь на встречу, приказал Ненашев.

Каменный двухэтажный особняк за кованной оградой, построен в престижном районе города. Здесь «левые» домовладельцы не проживают. Перестройка, а потом и времена правления Бориса Николаевича, выплеснули на свет Божий

пену новых русских, способных устроить себе человеческие условия существования, образовали поселок в черте города. Сизый, въехав в ворота и поставив машину на стоянку, прошел через руки телохранителей хозяина. Их бригадир, Боря Пес, после проверочных мероприятий, направил приехавшего хозяйского Малюту Скуратова по назначению:

–Хозяин в бильярдной. Поднимайся.

Зайдя в бильярдную комнату, поздоровался. У высокого окна двое гоняли киями шары по зеленому сукну стола. Николай косо глянул на напарника хозяина. В голове проскочила мысль о новой игрушке Князя. Сизый, давно подметил за босом пунктик по приближению к своей персоне, и воспитанию, чем-то ему приглянувшихся людей со стороны. Знал и о финале такого воспитания. Редко когда оправдывались ожидания воспитателя. Человек, чем-то не оправдавший надежд хозяина, как правило, шел в расход, потому как многие знания, несут за собой и печали.

При появлении Сизого, Князь повел глазами и после кивка подчиненного, нетерпеливо приказал:

–Оставь нас, Михаил!

Когда парень вышел из помещения, односложно велел:

–Рассказывай!

Сизарев стал говорить, и то, о чем он рассказывал, Князю очень не нравилось. Впервые за насколько лет Ненашев почувствовал зыбкость своего положения. То, что страна с самого начала 90-х годов оккупирована Штатами и они хозяй-

ничают вместе с нашим олигархатом, как слон в посудной лавке, ни для кого не секрет. Поэтому экономика разваливается, народ нищий, а власть денег затмевает мозг новой элите государства. Люди при власти в Москве уже не могут остановиться, удовлетвориться тем, что им в клювике приносят огромные суммы денег со всех концов большой территории страны. Не удовлетворяются суммами валюты, поступающими из-за границы под разными предлогами, но с единственной целью... Само правительство защищает только личные финансовые интересы. Им невыгодно, чтобы страна развалилась. На людей плевать. А людям плевать на себе подобных и на страну, им бы выжить. Каждый сам за себя. Год тому назад в сознании криминального авторитета Ненашева произошел кардинальный поворот. Он, имея образование, деньги, связи и реальную силу в криминальных и уже в государственных структурах, понял, что в «центре» не хотят процветания России, и продолжают делать все для ее развала. Владимир Иванович альтруистом не был, продолжал грести под себя все, что только возможно. На народ ему тоже сугубо «облокачиться» — получают то, чего достойны. Только ведь если народ вымрет... Короче, жить «за бугром» эмигрантом без рода и племени, хоть и в достатке, имея миллионы баксов на своих счетах, Ненашев не хотел, поэтому на подконтрольной территории стал навязывать порядок по своему разумению. Прибывшие в сибирские области чиновники из первопрестольной с выводком иностранных советников, под раз-

ными причинами были развернуты и отправлены восвояси, с обещанием деньги в столицу слать как и прежде, но вот беспредел в крае могут мол и местные навести. Своих отморозков хватает...

Долго никто не трогал. Ненашев уж думал, проскочит, а оно вон как получается.

—Все что удалось нарыть, свидетельствует о том, что вас заказали люди из Москвы. Могли бы убрать по-тихому, но пожадничали. Наняли бригаду «теней», чтоб не просто зачистили, но сначала все счета в зарубежных банках, все местные активы на подставных лиц переписали. Потому и Виктория им понадобилась, чтобы вы сговорчивей себя вели. Скоков, ваш прежний начальник охраны, купился на посулы. Получив приличный куш, сдал весь расклад по встрече дочери в аэропорту. Если б не пареньь,.. – Мотнул головой в сторону закрытой двери. – ...У них все могло получиться. Дальше рассказывать?

—Понял уже. Что Скоков еще рассказал?

—Его, считай, в темную сыграли. Тупиковый вариант. Что можно вытащишь, когда в мозгах пустота?

—В расход.

—Уже.

—Тени?

—Законсперированная ОПГ. Единственное, что выяснили, так это то, что не москвичи. Местные реалии известны им досконально. Трупы опознаны. Все сибиряки, но из разных

мест. Один из пятерки прописан в городе, студент университета. Остальные в прошлом уволенные из вооруженных сил. Трое обычные «сапоги», по воровской терминологии «быки». Один – бывшая спецура. Парень его первым завалил. Повезло, крученным был. В нашем военкомате папка его личного дела в особом отделе хранится. Пришлось кое-кого подмазать.

–Хорошо. Ты копай, Сизый. Копай!

–Копая.

–Что о парне скажешь? Может подводка?

–Не похоже. Он ведь вас вытащил. Был бы подводкой, помог бы зарыть или не вмешивался. Но что-то с ним все-же не то.

–Что не так?

–Не наш он.

–Иностранец?

–Тем более нет.

–Х-ха! Инопланетянин?

«Контрик» напрягся в кресле, весь подобрался, будто подбирая в уме ответ на вопрос. Воздействовать физически на фигуранта запрещено. Время работает против Сизарева, на кону ни много ни мало, жизнь Князя, а значит благополучие самого Николая Ивановича, его положение в обществе. Все же он не мальчик, уже за сороковник перевалило. На полном серьезе посмотрел в глаза хозяина, без тени насмешки ответил:

—Я бы не удивился. Вы же Красавину поставили задачу, вот пусть концы найденыша и ищет.

—Найденыша? Гм!.. Красавин первым под руку подвернулся, вот и поручил. Ты ведь отсутствовал... Хочешь сказать, типа это я его нашел?..

Сизый кивнул.

—...Ищет Красавин. Ну...

Сизарев поднялся из кресла, глядя Князю в глаза, высказался:

—Владимир Иванович, с вами еще ничего не закончилось. Не сомневаюсь, следующий шаг москвичей — киллер-профессионал.

—Будем считать, что принял к сведению.

Между тем, пока шел разговор в бильярдной, Мишка направился в «свою» комнату. Сизого он только несколько раз видел, но то, что это человек опасный, понял сразу в первую же встречу, когда тот «кишки подноготной его появления здесь на локоть наматывал». И намотал бы, да своевременно Князь появился, отвел беду.

В коридоре нарвался на дочь хозяина. Виктория, девка молодая, выросшая без материнской ласки, с амбициями, избалованная папашкой. С появлением в доме нового человека, будто с катушек сорвалась. Мишке прохода не дает. Типа, хочу и все тут!..

Молча смотрели друг на друга. Подошла вплотную, протянув свою руку. Она здесь принцеса. Ей все дозволено.

Улыбается. Протянул свою, медленно пожимая руку девушки, но не улыбался, понимал, чем все обернуться может. Хоть на этом самом месте провались! Смотрит на него широко открытыми глазами. «Ну и чего ты на этот раз хочешь?»

—Пойдем по саду прогуляемся? – предложила спасителю.

—Холодно. Осень уже.

—Ну и что?

Пришлось согласиться...

Владимир Иванович своеобразный человек. Мишка не сразу понял, кто есть кто, но... С ума спятить можно, во что вляпался! И как? Когда Князь после известных событий, уже в особняке заведя его в кабинет, сначала полный бокал коньяка себе плеснул, медленно выцедил, все понятно было. После встряски восстанавливается человек. Вот когда из сейфа три пачки американских банкнот достал и бросил на стол перед Михаилом, сказав:

—Бери. Заслужил!

Сразу же уныние в Мишкиной душе возникло. Не выказал он его никак, только глаза «притухли».

«Мать честная! Встрял! К валютчикам попал! Эдак, если красноперые заметут, такие деньжищи найдут при нем, то это статья. Долго разбираться прокурор не будет, приговор за такое выносится быстро. Лоб зеленкой помажут и прощай!»

—Мне не нужно! – почти проблеял.

—Бери-бери! Деньги всем нужны. Ха-ха!.. – нервно посме-

ялся, наверняка алкоголь брал свое – отпустило.

Спасенный еще раз «остограмившись», расслабился. С улыбкой, как Мишка понял, уже «на голубом глазу» поинтересовался:

–...Или ты не такой как все? Так мне уже донесли о старинном золотишке в твоём саквояже. Ха-ха! Церковь ковырнул, что ли?.. Зря! Ты такими делами заниматься завязывай. Есть дела поважней!

«Доляры» Мишка тогда взял. Куда деваться? А потом быстро понял, где и в каком времени оказался. Как не понять? Здесь все другое... Россия есть, а Советским Союзом уже даже не пахнет. По телевизору такие непотребства показывают... Ну и много чего еще. Кстати, доллары уже не статья!.. А еще понял, что добрый дядюшка – Николай Иванович, так просто от него не отступится. После ухода Сизого, решился. Пошел к хозяину и все о себе рассказал. Чего мучиться? По кромке ходит.

–...И, что? Прямо через нору из прошлого в наше время прошел?

–Да.

–То-то я смотрю, какой-то ты не от мира сего...

Пожал плечами.

–...Сизого не бойся. Он человек сволочной, но правильный. Я тут немного с делами разгребусь, съездим к твоей «норе». Самому взглянуть любопытно. Сизому на твой счет я указания дам. Х-ха! Так говоришь, перепутье? А ты вы-

брал жену и богатство?

—Да. А вот брательник мой...

—Каждому свое.

В этот же вечер Ненашев под хмельком провел краткий ликбез с попаданцем. Мишка больше молчал, лишь слушал, да глаза «пучил».

«Ничего себе! Довели такую страну...»

—... Дело в том, что шестьдесят процентов экономики России уже принадлежит иностранцам, и они завозят товары из-за границы, тем самым сокращая рабочие места в стране. Оставшиеся сорок, разорваны в клочья. Для забугорных хозяев опускания курса рубля означает, что они разоряются и доля иностранных активов в России может снизиться, а сами активы перейдут в руки русских или государства. Тогда это приведет к увеличению роста рабочих мест, повышению уровня жизни. Западным элитам это нужно? Нет! Российский центробанк, сегодня предприятие частное и не принадлежит государству. Самим центробанком его владельцы управляют через международный валютный фонд, а МВФ это подразделение частной компании федеральной резервной системы США. Главным владельцем числится сегодня британская королевская семья, а должна была быть записана династия российских императоров Романовых. В свое время именно Романовы внесли большую часть золота в уставной фонд ФРС США. Чтобы избавиться от этого совладельца, королевская семья Британии и группа крупных штатовских

банкиров провели ряд провокаций закончившихся тем, что разразилась первая мировая война, династия русских царей была расстреляна по прямому приказу именно Британской родни, а документы подтверждающие право России на свою долю в ФРС исчезли. Революция пятого и шестнадцатого годов, это все вехи по уничтожению совладельца, царя Николая Романова, который по дурости вложил в него русским золотом восемьдесят процентов уставного фонда и тем самым подписал себе смертный приговор. Это кстати объясняет весь тот бардак, что происходит в России сегодня.

–Так, а что народ? – удивленно возмутился Мишка.

Тут и по цыганским и по общечеловеческим понятиям – сплошной беспредел в стране творится. А за свое добро, тем более, когда правда на твоей стороне, кадык рвать нужно. За чем дело стало?

Рот Ненашева в подобии улыбки скривился. Сарказм сейчас прямо на Мишкину рубашку закапает. Ответил неразумному дитяти:

–Народ? Ах, да! Ты же продукт потусторонний. Наро-од! – растянул слово с какой-то уничижительной ноткой в нем, будто презирая само его понятие, потом вдруг посерьезнев, объяснил. – Рабство у нас. Только скрытое. Сейчас либо ты раб, либо бандит в разных ипостасях. Рабов в стране несравнимо больше чем бандитов. Современный раб чтобы выжить, вынужден работать без остановки до смерти. Не работаешь – ты труп, только сам пока этого не замеча-

ешь. Средств, заработанных рабом, хватает на оплату жилья и еду, их в лучшем случае хватает только на месяц. Пенсия также является большой фикцией. Раб-пенсионер, опять же, отдает всю пенсию за жилье и еду. У него, как и у остальных, не остается свободных денег. Деньги раба поступают в карман рабовладельцев, а понятие государства используется, чтобы затуманить мозги, чтобы рабы не задавали лишних вопросов типа, почему рабы работают всю жизнь и остаются всегда бедными? И почему рабы не имеют доли прибыли? И кому конкретно перечисляются деньги, выплаченные рабами в виде налогов? Добавь к сказанному инфляцию.

—Что добавить?

—Тьфу! Все забываю, с кем общаюсь. Рост цен при отсутствии роста зарплаты, обеспечивает скрытое незаметное ограбление лохов. Так вот, для того, чтобы современные рабы не требовали своей доли прибыли, не требовали отдать заработанное их отцами, дедами, прадедами, прапрадедами, является умалчивание фактов разграбления по карманам рабовладельцев ресурсов, которые были созданы многочисленными поколениями рабов на протяжении тысячелетней истории. Теперь понял, куда попал?

—П-понял! Владимир Иванович, а вот вы как же?

—А, что я? До недавнего времени я простым бандитом был. Ну не совсем простым... А когда дошло, что так жить нельзя, стал малость корректировать все до чего могу дотянуться. Наверху тоже дошло. Вот, охоту на меня объявили...

После состоявшегося разговора по душам, прошла неделя. Удобно уютившись на Мишкином локте, Вика мурлыкала ему на ухо сегодняшнюю новость, касающуюся ее недалекого будущего:

—Папа хочет меня в Испанию отправить. У нас там дом на побережье. Поедешь со мной?

Задумался. Выпал из реальности. Растормошила.

—Что?

—Поедешь со мной? Здесь стало не безопасно. Вчера троих папиных «гвардейцев» Сизарев на предательстве подловил. Если даже эти... — внезапно перескочила на тему, соответствующую возрасту нимфетки. — Ты любишь меня?

Любовь! Любовь слишком дорогое по таким временам понятие. Мишка его себе позволить не мог. Молодая женщина в его постели, считай малолетка, ничего хорошего ему не даст. Не нужна она ему. Тем более ехать в Испанию... Тут здесь-то разобраться... Выжить! Чувствовал, как жареным пахнет, а она про какую-то Испанию лепечет. Не-ет! Когти рвать нужно. Владимир Иванович ему не помощник, как кстати и он Ненашеву. Разные они.

Ответил:

—Конечно люблю, солнышко. Спи!

Что-то промурлыкала устало и... засопела. Хорошо быть такой непосредственностью по возрасту. Тем более с таким папой и карманами полными денег. Мишка не мальчик, жизнь била его по-разному. Привык. И это его попадало-

во в другое, совсем хреновое время, переживет, главное... Мысль скакнула в другом направлении. И чего он тут разлегся? Не хватало еще, чтоб добрые люди по адресу о связи с девчонкой донесли. На нерве вскочил с кровати, судорожно натягивал на себя одежду.

«Черт! Что же делать?»

Краем уха слышал о событиях вокруг банды Князя. Кого-то завалили. Кого-то отловили. Кого-то, свои на крысятничестве взяли. А все вместе подсказывало, «трон» под сиденьем Ненашева качается, как маятник с элементом принудительного вмешательства – непредсказуемо и разнообразно.

Утром Князь вызвал к себе. Когда шел, в окно выглянул. Кавалькада черных четырехколесных «мастодонтов» импортной сборки, «под парами» стоит при выезде из «поместья». Народу понагнали, «стволами» маячат. Ехать куда-то хозяин намылился? Похоже на то.

Только вошел в кабинет, а Ненашев уже из кресла поднимается. Рядом Сизарев столбом стоит, с интересом уставился на вошедшего Михаила. Будто первый раз видит. Князь приказал:

–Выезжаем.

Ну, надо так надо! Уже в машине узнал, что к «норе» едут...

Глава четвертая. Первые страхи, первый опыт, первое разочарование и первые потери Мишки Вишнякова

Любовь к преступному делу Ефим Кошельков унаследовал от отца, вора-рецидивиста старой закалки, который в свое время специализировался на ограблениях ювелирных салонов и потрошению банковских сейфов. К 1987 году Ефим уже проходил по сводкам в статусе опытного криминального авторитета, имевшего несколько судимостей. Когда до развала страны оставалась пара лет, Фима Сармак «откинулся» и вроде бы как «завязал». Но это только видимость для других. На самом деле Кошельков масть сменил. Время такое было, что всем подпольным делаварам, масти теневиков, волю дали. Решив расширить поле криминальной деятельности, Фима переехал в столицу сибирского края, где открыл свое дело. Деньги на раскрутку были, и он основал... хлебопекарню. Да-да! Не нужно смеяться. Предприятие по выпечке хлебобулочных изделий... Тогда многие воры отвернулись от того, кто был для них своего рода «передовиком криминального труда». Кошелькову это только на руку стало.

Не слишком большой персонал выпекал хлеб на предприятии, бухгалтерия платила налоги, но никто, ни сном ни ду-

хом не знал, что в тени этого производства создавалось другое, мало афишируемое, но приносящее колоссальный доход. Кошелькову удалось сколотить собственную банду, члены которой не «трясли» обывателя, не участвовали в разбоях и кражах. Посредники брали заказ, а люди Сармака успешно устраивали убийства конкурирующих структур и физических лиц. Они брались за отправку богатых «пассажиров» в Мир иной, иногда за похищения и передачу клиентов заказчику. Но это стоило еще дороже. «Тени» наводили страх даже на воров в законе.

Работники Уголовного Розыска с ног сбились, вычисляя убийц, но все нити обрывались где-то на полпути к банде. Все дело в том, что среди сколоченных в криминальную организацию людей, прослеживалась совершенная структура нового типа. Под руководством Кошелькова собрались спецы от аналитиков до боевиков. Отдельно стояло подразделение «быков» – расходного материала, который не жаль и который периодически должен оставаться на месте преступлений в виде трупов, заслоняя основной контингент. Получалось, организация всякий раз уходила от преследования, оставляя за собой горы трупов – как чужих, так и членов собственной банды, оставаясь в тени событий. Заказ на Князя пришел от одного из столичных посредников и на первый взгляд ничем необычным не выделялся. За исключением... Платили, ну очень большие деньги и... сам Кошельков в городе в это время отсутствовал. Организация работала как

отлаженный механизм, когда у ее боса случилась семейная неприятность, которую нужно было решать при личном присутствии. Заказ был принят вторым лицом банды.

Единственный ребенок – дочь, училась на первом курсе московского ВУЗа и что-то там не сложилось с учебой, грозило отчисление. Вот и поехал папаша разобраться с непоняткой. Дело житейское, кажется – нарочно не придумаешь. Только все боком вышло. Организация дала сбой. Один доверил дело другому, тот дело передоверил. В результате контракт не исполнен, а среди погибших почему-то оказался младший брат Кошелькова.

Ефим Андреевич навел справки, собрал всю информацию. Железной рукой навел порядок среди своих, наказал тех, кто так бездарно спланировал и провел операцию. Только ведь контракт не выполнен, репутация подмочена. Нужно исправлять ситуацию.

Телефонный звонок вырвал из размышлений.

–Слушаю!

Услышал знакомый голос в телефонной трубке:

–Он выезжает.

Ждал. Именно этого сообщения он с нетерпением ожидал, на него и планы строил. Спросил лишь:

–Охрана?

–Стандарт, но усиленный «пехотой».

–Второй?

–Передал, что второй при нем.

–Принял. Оплата наличными в договоренном месте. Забрать сможет после шестнадцати часов.

Вторым был тот, кто убил брата. Кошельков поклялся отомстить, и выезд Князя с убийцей был ему на руку. Одним махом две цели! Тут же вызвал Стасова, одного из двух своих помощников, приказал:

–Парней срочно на точку...

–Они там со вчерашнего дня. Ждут в дежурном режиме.

Кошельков не удивился, ему вольготнее жилось среди бывших военных, пригретых, оплаченных и всегда готовых к действию. С ворами бы такой фокус не проканал, как раз воры братишку и профукали. Глеб сам виноват, больше к деклассированному элементу тянулся, а нужно было вот к этим зубастым волкам дорогу топтать. Потому-то сейчас на кладбище и лежит. Нет! Нужно пересмотреть свои позиции в бизнесе и от «быков» отказаться совсем. «Теням» проще в тишине свое инкогнито сохранять.

–...Стас, мы с тобой тоже выезжаем.

–Не успеем, Сармак. К шапочному разбору доберемся только. А лицами светить ни тебе, ни мне не надо. Парни по сотовому телефону задачу получили, без нас справятся.

–Хочу на убийцу Глеба глянуть.

–Чего глядеть-то на труп?

–Поехали...

Взрыв где-то впереди колонны стал для Мишки неожиданностью, хотя с раннего утра цыганское чутье голосило о том, что день будет необычным. Подсознание через взгляд устремленный с переднего сидения машины вперед, отметило сам момент подрыва. Водитель у Князя среагировал моментально, при этом грубым фальцетом на одной ноте раненым носорогом орал, с испуга наверно:

—А-а-а!

Машина содрогнувшись всем корпусом, качнувшись на амортизаторах, встала. Михаила одним толчком на лобовое стекло бросило, ощутил себя букашкой ударившейся в лобовуху шедшего на скорости автомобиля.

—О-х-х! — торпедой выбило воздух из груди, мордой приложило, заставив какое-то время уйти в прострацию. Справился быстро. По счастью ничего не сломал. На заднем диване Князь завозился. Живой значит, Владимир Иванович!..

Через миг, позади садануло. Мишка еще не совсем в «этом мире» освоился, показалось, из пушки пальнули. Стекла целы, поэтому видел опрокинувшуюся набок большую легковушку с охраной, которая «подвинувшись» уступила место микроавтобусу.

Г-гух! Тряхнуло. Сдетонировал бензобак и опрокинутая машина объятая пламенем отлетела в кювет. Как через вату

в ушах донесся чей-то крик:

–Атас!

Ага! Понял! Срочно выбираться из машины нужно, иначе те кто напал, их точно кончат. Открыл дверь, рывком выпрыгнул из салона. Хотя и город, а все ж окраина. Дорога в этом месте как раз в ложбину втягивалась. Если передние машины в эпицентр засады угодили, то их «тачка» на самой периферии остановилась. Сибирь! Издали городские кварталы многоэтажек видны, кирпичные трубы кочегарок дымят, а рядом по обеим сторонам дороги лес, только он метров на сорок «пострижен», до него еще добежать предстоит.

По остановившимся из-за «завала» впереди машинам стреляли не жалея боеприпасов, дорожный участок между холмов превратив в подобие тира. Люди Князя не военные, в бой вступать не рвались, а вот стадному чувству подчинились – метнулись наутек. Так ведь дадут разве? Тем более что у напавших, не просто бойцы буйствуют, а еще и снайперы зверствуют.

Бух! Бух!.. Дело у нападавших дошло до карманной артиллерии, в ход пошли гранаты, а значит, пленных велено не брать. Ор, матерщина и стоны вместе с какофонией боя наполнили пространство ложбины.

В армии Мишка не служил, выживал в этой кутерьме на чистых инстинктах. Под прикрытием дыма горевшей трахомы, смог прошмыгнуть ближе к «выходу», по пути увидел мертвыми, хорошо знакомых ему водителя с охранником.

Пламя на сквозняке уже перекинулось им на одежду и «лизало» лица и бритые головы. Ё-пы-ры-сы-ты! Кто-то чувствительно толкнул, лишь на миг обдав запахом перемешанного с потом парфюма. Споткнулся, падая заметил, как мимо него Ненашев разбуженным носорогом пробежал. Фьють! Фьють! Пропело над головой. Но о том, что мог навечно лечь на дороге, даже не подумал сейчас, лишь чертыхнулся в душе – организм непривычно сбоит. Ноги ватные, голова не варит, в ушах звон, а во рту противный железный привкус. Ко всему прочему он еще и язык прикусить умудрился. Скатился в канаву, на четвереньках скоренько как мог «потрусил» по ней, напрягая какие были силы. В пустой голове лишь одна мысль: убежать подальше от этого места, а лучше правдами и неправдами домой – в свое время вернуться. Там тоже недоброжелатели имеются, но они хотя бы не такие безумцы как эти.

Высунув голов из канавы, увидел как выживший пока что народ, ломится к лесу. Один из бежавших получил пулю между лопаток, с приданным ускорением, покатился по высокой осенней траве. Нужно рискнуть, иначе... Побежал зигзагом, преодолевая расстояние рывками, рваным бегом. Заскочил в кустарник, и снова споткнувшись, упал.

Усевшись, осмотрелся. Это он о тело Владимира Ивановича ногой зацепился. А ведь Князь почти уйти смог! На груди дыра зияет, кровью одежду и лицо благодетеля заполоскала. Мертв точно, мертвее не бывает!

Поднявшись на ноги, наклонился над телом, то и дело оглядываясь по сторонам, ловя звуки в лесу. Из наплечной кобуры извлек такой родной и знакомый ТТ, покойнику он не нужен, а ему пригодится. Красавин еще в первый же день отобрал у Мишки его стилет. Как тут жить без оружия? Перердернул затвор, вогнал патрон в патронник, приводя ствол в боевое положение. Даже, полегчало слегка. Что дальше?

Мысли прервал резкий клекот автомата. Над головой очередь срезала ветки на невысокой сосенке... Значит, уже до леса добрались или заблаговременно ожидали. Заметили? Нет. Скорее оставшихся беглецов зачищают. Бросился вглубь леса, а через десяток шагов сменил направление бега, повернув в сторону.

Тах-тах-та-тах!.. Вовремя! Нарушая конспирацию шумом, за Михаилом увязались двое мужиков, одетых в пятнистую одежду. В лесу их не сразу-то и распознаешь, но оба бежали напролом, изредка постреливая в его сторону.

Давно он так ни от кого не бегал.

—О-о! О!

Чуть в овраг не влетел. Поляна совсем небольшая, обрывающаяся кручей вниз. У самой кромки остановился. Шею сломать, нефиг делать! Трава высокая, скос совсем не пологий. Брошенный назад взгляд привел в ужас. По траве за Мишкой проделан след. Даже если б как кабан не ломился, все равно заметно. Лес! Еще минута, ну от силы две и эти злые дяди его угандошат.

Изгаляясь в своей никчемности, цепляясь за корневища, кустарник и пучки травы, кое-где зависая на руках, сколько мог, сколь времени себе отмерил, пробрался вправо. Подтянувшись, вполз в куст. В иное время может так бы провернуться и не получилось, но тут время поджимало и кровь в жилах бурлила. Еще отдышаться не успел, а эти уже здесь.

Двое парней, возрастом даже чуть постарше Михаила будут. Первый – след контролирует, второй с автоматом навскидку – страхует. Так просто от таких волков не уйдешь, но...

Куст чуть в стороне от их перемещения. Затаил дыхание, кажется даже не дышал совсем. Первый с кустом поравнялся, второй нацелил ствол, показалось точно на Мишку. Ф-фух! Прошли! Миновали заросли. Отпустил чуть вперед, но рисковать и на шуметь, чтобы зайти за спину, не отважился, только позу сменил, на ногах укрепился. Держа пистолет на вытянутых руках перед собой, прицелился в страховавшего. Палец подушечкой впился в металл спускового крючка. Пора!

Один за другим, два выстрела произвел. В спину и в голову. Подвинув руки, переводя ствол на второго убийцу, нажал на спуск. Снова «двойкой» отстрелялся. Опоздал. Товарищ дураком не был, успел с обрыва сигануть еще при первом выстреле.

Мишка проломился через ветви кустарника, в пяток прыжков подскочил к круче.

Б-бах! Б-бах! Б-бах! Мимо. Ох и крученный попался! Мало того, что шею не свернул, руки-ноги не поломал, так еще и смылся, будто сквозь землю провалился.

А первый, в кого стрелял, живым оказался. Одна пуля, выходит так, что в бронежилет угодила, а вторая точно в голову угодила, но... Кровищи много, только это из-за того, что череп царапнула и слегка контузила. Не моргая, какое-то время смотрели друг другу в глаза. Мишка наклонился, отобрал автомат из руки раненого, из кобуры пистолет извлек. После раздумья кивнул, сказав вслух:

—Живи!

В ответ услышал лишь одно слово.

—Дурак!

—Может быть. Но не моя война.

Развернувшись, пересек поляну в обратном направлении, сориентировавшись, пошел по лесу. Проходя мимо заболоченного участка, обходя его стороной, сбросил в воду автомат и пистолет бывшего преследователя. ТТ выбросить не рискнул пока, хотя в нем всего два патрона осталось.

* * *

На кладбище Мишка не поехал по настоянию Сизарева. В тот же вечер, уже когда за окном стемнело Сизый вызвал его в кабинет Князя и с места в карьер спросил:

—Михаил, куда вы в день нападения ехали с Ненашевым?

Мишка пожал плечами, сделав удивленные глаза, про себя отметил скрытность благодетеля. Ну а если не сказал, значит и он не расскажет. Кто знает, кому верить? И не повредит ли это знание лично ему? Ответил:

—Понятия не имею, Николай Иванович. Хозяин просто позвал и сказал, что в город едем. Я не спрашивал. Что дальше будет?

Сизарев как влитой, обосновался в кресле Князя. Со стороны никакого дискомфорта у него не ощущалось. Мишка впервые наблюдал смену главаря. Оказывается ничего особенного, все обыденно до неприличия. Только лично для него эта смена несла перемены, сейчас узнает, какие. Сизарев ждать не заставил:

—Ладно. Какие у вас с Князем терки были — ваше дело. У меня перед покойным должок остался. За два дня до его смерти, поручил мне тебя легализовать. Свое обещание я всегда выполняю...

Отодвинул ящик стола, извлек тонкую стопку бумажек, бросил на стол перед Мишкой.

—...Ты у нас из Ростовской области будешь? Вот туда и поедешь, здесь тебе делать нечего. Документы подлинные, через все ведомства именно с твоей фотографией проходят.

Мишка рассмотрел предложенное. Удостоверение личности прапорщика, только что выпущенного из школы. Васильев Владимир Иванович. Гм!.. Как насмешка. Предписание. Бумажки на довольствие. Ну, еще, кое-что по мелочи.

Поднял глаза на улыбавшегося Сизарева. Издевается?

—Так ведь я...

—Не служил. — Подвел итог Сизый. — Ничего. Теперь послужишь. С Князем мы в расчете. Форма твоего размера уже у тебя в комнате. На сборы полчаса. Котик вывезет тебя на сороковой километр, там перед переездом посадит на поезд.

—А просто на вокзал...

—Нельзя. В городе тебя ищут. Уж не знаю, на чью мозоль наступить угораздило, но для многих ты, как красная тряпка для быка стал.

Попросил:

—С Викторией попрощаться можно?

—Нельзя. — Сказал резко, как отрубил.

Кивнул, соглашаясь с новым хозяином криминальной организации. Уже от двери спросил:

—С ней что будет?

Сизарев ответил на вопрос:

—С ней-то как раз все нормально. Молодая наследница. Богатая, привлекательная. Как отец и хотел, в Испанию поедет. — Подмигнул. — Тебя забудет быстро, поверь. Ее интересы здесь есть кому защищать. Потери конечно неизбежны, но в целом основные активы отобьем. Поторопись, поезд ждать не будет.

Мишку классически спровадили прочь. Через двадцать минут из ворот усадьбы выехала машина, в кабине которой гражданский водитель вез военнослужащего.

С похоронами хозяина и отъездом Найденыша жизнь в городе продолжалась по устоявшемуся руслу, только ощущалась какая-то нервность. Николай Иванович можно сказать кожей ее чувствовал. Пришлось один раз съездить на толковище к Княzeвым паханам, выдержать не хилый такой наезд от них. Подчиниться бывшему вояке, хоть и топтавшему зону, не все хотели, потому намечался развал отлаженного механизма, что влекло возможный конец империи, играло на руку варягам из Москвы. Урки! Отморозки безбашенные! Разбежавшись, ведь перегрызутся. Привыкли в узде ходить, самостоятельно думать, принимать правильные решения разучились. И еще... Обнаружив пропажу ростовчанина, наследница устроила истерику. Сизый сдержался, чтоб просто не пристрелить истеричку. Может никогда не имевший семьи, Сизарев так бы и сделал, но вовремя сдержался. При ней живой, он сам имеет статус как при живом Князе. А вот если эту нить оборвать...

Начало новой недели ознаменовалось звонком. Даже не ожидал услышать того, кто звонил. Думал, разошлись их стежки временных союзников.

—Николай Иванович, нужно встретиться.

—А нужно ли?

—Нужно, кстати к общей пользе.

—Где? Когда?

—Сегодня в семь на прежнем месте. — Предложил посредник того, о ком Сизый лишь догадывался.

Придется соглашаться, мало того, на встречу ехать без страховки. Скрепя сердцем произнес:

—Хорошо. Буду.

На другом конце проводного телефона, адвокат Петровский Олег Алексеевич положил трубку на рычаг отбоя. Посмотрел в лицо собеседнику, сообщил:

—Он согласен. Вы уверены, что он в теме?

—Если ему неизвестно, значит никому.

—Снова деньги предлагать? Сколько?

—Он не глупец. Потянув на себя хозяйство Князя, деньги его заботят сейчас меньше всего.

—Тогда что?

—Услугу захочет. Я даже знаю какую. Олег Алексеевич, на предложение можете согласиться.

—Вы уверены?

—На сто процентов. При встрече я в соседнем помещении буду находиться. Разговор ваш услышу. Что-то не так пойдет, Сизого зачистят. Только и всего.

Фима Сармак устроившись в кресле за столиком сервированным бутылкой коньяка и фруктами, слышал каждое слово переговорщиков. Действительно Сизый не дурак и не трус. На встречу один пришел. Люди Кошелькова устроили «проводку объекта», проверили на наличие «хвостов».

«Болтун» дело свое знает, было время, Ефим хотел «списать» Петровского, да как-то не срослось, оставил до иных времен. А он возьми и пригодись!

Олег Алексеевич обрисовал просьбу, спросил цену вопроса. Сизарев подумал и ответил:

—Знаю как найти.

—Так подскажите, в накладе не останетесь. Сколько?

—Деньги не нужны.

Кошельков улыбнулся, услышав эту фразу. Все как он и сказал адвокату. «Болтун» меж тем уточнил:

—Чего ж вы хотите?

—Войны в городе не хочу...

Кошелькову она тоже не нужна. Как ни странно, при разборках в городе и его бизнес страдает. От нехватки заказов он и при мире не страдал.

—...Я вам достоверную информацию, вы взамен в кратчайшие сроки «убираете» трех Князевых авторитетов.

Олег Алексеевич осклабился от услышанного, переспросил:

—Уверены, что только троих?

—С остальными сам управлюсь.

—Ну-ну! Считайте, договорились. Кого?

Сизарев достал из кармана прямоугольный бумажный листик, очень похожий на визитку, протянул визави. Петровский глазами прочитал имена приговоренных. Кивнул.

—Это возможно. Исполнение заказа вам гарантировано.

Теперь наша проблема...

Сизый достав, протянул вторую «визитку». Адвокат вчитался в убогий почерк. Осмыслил написанное. Глаза в удивленной гримасе расширились.

—А придержать никак нельзя было?

—Видите ли, уважаемый Олег Алексеевич, я хоть и словочесная, но человек не вытравленных принципов. Еще при жизни, пообещал Князю, что легализую товарища. Свое слово сдержал, за ворота вывел, а уж дальше каждый за себя. Я в его телохранители не нанимался.

Сидевшему за стеной Кошелькову концовка встречи не понравилась, но он решил, что раз «болтун» условный сигнал не подал, значит все в пределах нормы.

Часть 2. Танковая карусель попаданца Улыбина

Глава первая. Самый длинный день

Вот тебе и возвращение! Не успел оглянуться, как генерал сдал его со всеми потрохами в одну из частей. Командир-танкист в грязном комбинезоне, встретил Улыбина не приветливо. На его небритом, осунувшемся лице лежала печать дикой усталости. Такого понять можно. Скорее всего, несколько суток без сна человек провел точно. Хриплым голосом поинтересовался:

– На каком танке воевал?

Что скажешь? Сказал первое, что на ум пришло:

– БТ-7.

Новое начальство кивнув, буркнуло:

– Пойдет. – Потом стало нарезать задачи, ткнув пальцем в потертый лист карты на столе. – Смотри сюда. Сегодня в этот лес стаскивают технику и людей, подвозят продукты, боеприпасы, медикаменты. С миру по нитке надергали командиров и бойцов из разных частей, тех, кто хоть каким-то боком имеет отношение к технике, каковых хотя бы условно можно назвать танкистами. Посему, формируешь свою роту.

Скоро с ней тебе в бой идти.

—Как скоро?

—Уже этой ночью батальон обязан выдвинуться к передовой. Действуй!

Мать моя женщина! Картина, представшая перед глазами Улыбиным, совсем не радовала душу. Часть, это громко сказано. Отдельный танковый батальон находился в стадии формирования экстренным порядком.

Танки разных систем и марок в беспорядке стояли на опушке леса. По просекам натужно подвывая моторами, тянулись автомашины с боеприпасами и хозяйственным скарбом, бензовозы, походные кухни. С десятков молодых девчонок, одетых в не подогнанную, но уже порядком измаранную грязью армейскую форму, толкала ветхую санитарную машину. Куда не обернешься, всюду шум и гам, людская спешка, трескотня, завывание моторов. Сам черт не разберет, что происходит, что формируется и кто формирует. Давид зубами скрипнул, взял себя в руки, выдохнул:

—Разберемся!

Первый раз с нуля что-то начинать, что ли? Вон комбату в десяток раз хуже приходится, однако тянет лямку. Скрипит, а тянет. Война!

Направился напрямик к основной массе суесящихся у танков людей...

Целый день прошел в круговерти хлопот. Принимал танки, как мог, сколачивал экипажи, снабжался, нервничал,

подгонял личный состав. На его долю перепал один КВ, остальные Т-26 и БТ-5 – машины с «фанерной» броней. Самому ему досталась старая «пятерка» под номером 234, кажется прожившая целую вечность, еще до начала войны и сумевшая может быть чудом провоевать больше года. Двигатель давным-давно отработал положенную норму мотто-часов, пообносились, и стали похожими на сношенные, стоптанные лапти траки, облезла краска. Чадил танк невероятно, так, что издали казалось, будто горит. А ведь на этой трахоме Давыду еще и в бой идти предстояло. Единственное достоинство машины – экипаж. Мехвод, младший сержант Ерохин – спокойный, обстоятельный дядька, постарше его, командира, будет, призванный на фронт с гражданки, но отметившийся на Халхин-Голе. Заряжающий, он же пулеметчик – ефрейтор Куций. В силу своего опыта, Улыбин сразу признал в этом зубоскале, подходящего кадра. К вечеру колонна танков и машин походным строем вытянулась и замерла вдоль леса. Никакой связи. Доклад комбату о готовности к маршу, сугубо посыльными.

Уже ночную тишину нарушила громкая команда «По машинам! Заводи!». Железный звон люков и гул моторов разнеслись по округе. Обогнув лес, ныряя по ямам и скача на кочках, колонна с выключенными фарами, медленно выползла на грейдерный тракт, двинулась в сторону передовой. Находясь в БТешке, под сравнительно монотонную езду, только теперь смог вернуться к прежней мысли о сюрре-

ализме всего происходящего с ним. Даже усталость и изредка маячившие красные огоньки стоп-сигналов не смогли отвлечь от вертевшегося в голове вопроса – «Что делать?». А что тут сделаешь? Когда на плечи уже лег груз ответственности за судьбу подчиненных, который не сдвинуть одним махом, не сбежать и предать нельзя. Мельком отвел взгляд в сторону, при тусклом бортовом освещении, встретился с глазами ефрейтора Куцега, уже успевшего от самой границы отпахать первый год войны. Тот будто подслушав мысли командира, кивнул головой, через шум мотора, донес мысль: – Не унывай, ротный, что будет, то и будет!..

Фаталист, мля!

Часа через три колонна встала. Открыл люк, высунулся наружу. Легкий ветерок сквозняком стегнул свежестью воздуха в легкие. По обеим сторонам дороги темной стеной стоял лес.

– Что происходит?

Пришел ответ:

– Ротных к комбату в голову колонны!

Благо ему бежать не так далеко, у него первая рота. Подсвечивая себе проход фонариком, подошел к стоявшему со штабными и главным технарем батальона комбату.

– Как рота?

– По докладам – штатно.

Комбат кивнул. Оказалось, не так уж все и критично во всем батальоне.

—Колонна растянулась на марше. У двух танков слетели гусеницы. — Сообщил комбат собранным командирам рот. — Приказываю, проверить матчасть и дожидаться отставших. Двигатели до приказа заглушить. Выполнять!

Замолкли моторы, ночной ветерок обдувает горячие жалюзи двигателей. Экипажи покинув машины, разминались, жадно глотали чистый ночной воздух. Благостное настроение личного состава Улыбин прервал распоряжением осмотреть технику, если нужно, подтянуть траки. Отметил про себя, что его истинная суть все же в своей стихии и он не чувствует себя посторонним наблюдателем среди всех этих людей. Гложет только не слаженность экипажей и отсутствие в них танковых спецов. Затянувшуюся было паузу на марше, подстегнул прибывший на мелком броневичке делегат связи. Командир дивизии, которой придавался батальон, приказывал к семи часам утра встать на позиции у деревни Хопровка, и вступить во взаимодействие с подразделениями стрелкового полка, врывшегося в землю на основном направлении ударного кулака противника.

—По машинам!..

Дорога разбитая, ухабистая. В тесноте брони бросало из стороны в сторону. Навстречу их колонны тянулись обозы, а по другую от них сторону, к линии фронта гуськом пробиралась пехота. Когда на позиции встали, солнце уже высоко было. Именно с этих позиций им наступать придется. Не успели толком развернуться, как сразу приказ такой и посту-

пил. Ступин, пехотный комбат, показался Улыбину разумным, дельным человеком. Уже хорошо. Им, обоим предстояло с этого рубежа в атаку идти, ну и если придется, на нем костями ложиться. Радиосвязи со штабом дивизии не было, что Давыда и не удивило. Сигнал атаковать, должны были получить через офицера связи. С НП оба все время посматривали в сторону опушки, ждали посланца штаба.

—Чего телятся? — нервничал Ступин.

Давыд плечами пожал, в полемику вступать не хотелось, нервы у обоих, как натянутые струны. Высунувшись за бруствер, окинул взглядом позиции по правую сторону. Там выступ. На правом фланге будет действовать вторая рота, она наступает на главном направлении в обход Хопровки. Это лейтенанту Бруку, с его ротой и приданной ей пехотой, предстоит овладеть господствующими высотами и вывести танки к речке за деревней. Улыбин со своими, Хопровку атакует в лоб...

—Кажись связист!.. — Ступин первым заметил посыльного связиста.

В одиннадцать часов ровно, дивизия обязана была выдвинуться вперед, развернутыми боевыми порядками атаковать противника, ну и они соответственно в первых рядах, на острие атаки будут.

Давыд глянул на циферблат наручных часов. Скоро! Перебросился с комбатом парой фраз. Пора! Отдал приказ:

—По местам!

Экипажи заняли места в танках, запустили двигатели машин, ждали зеленую ракету в небе – сигнал атаки. Новоявленный ротный сидел на броне, по пояс высунувшись из башенного люка. Учащенно колотилось сердце в груди. Даже мандраж присутствовал. Как-никак первый бой, первый поединок с фашистами. А каково сейчас парням в металлических коробках, многие из которых впервые..? Нда!

Южное безоблачное небо прорезала и, вспыхнув, раскрылась сполохом зеленая ракета. Вот он, момент истины на поле брани!

–Вперед!

Взревев мотором, танк сорвался с места, пошел вперед, ломая на пути кустарники, валежник, молодой сосняк. Улыбин видел, как вся рота, неся на бортах пехотный десант, двинулась за ним. Оглянулся. Уцепившись за кольца башни, позади него стоял коренастый Ступин, готовый по первой надобности соскочить вниз. Подмигнул комбату, подбодрил:

–Нормально!..

Без сопротивления со стороны гитлеровцев прошли лес и поле с неубранной, пожелтевшей рожью. За косогором вырвались к околице, почти к стенам серых, деревенских хат и сараев.

Где сопротивление? Не встречая его, втянулись в Хопровку, казавшуюся вымершей. Ни одной живой души не видать.

–Комбат! Что за черт! Где немчура? – Перекрикивая шум мотора, спросил Ступина.

—Я почему знаю? — огрызнулся тот. — Разведка подвела.

—Разведка... Дальше куда?

—Держи направление на поселок. Последующая задача должна была быть атакой на него.

—Добро! — Улыбин краем уха слышал, что действительно, в этом районе дивизионные разведчики не смогли толком определить линию фронта.

Центральная усадьба поселка Песковского расположилась в трех километрах от Хопровки. Из деревни можно даже отлично рассмотреть купола поселковой церкви, вот только околица Песковского правее направления их ударного кулака находится.

—Вперед! Правее бери!

Выкатившись из деревни, успел развернуть строй. Подставив борта в сторону речной протоки, тут же ощутил то, что тишины на этом участке больше не будет. В самое настоящее пекло попали. Казавшееся мирным и спокойным поле перед наступающими, ожило. Зарытые, замаскированные на противоположном берегу мелкой речушки танки врага, спрятанные в кустарниках и камышах пушки и пулеметы, разом открыли огонь. Выстрелы, разрывы снарядов, оглушительный треск пулеметов, казалось, были повсюду. Десантировавшуюся пехоту гитлеровцы огнем отсекали от танков, заставили ее залечь прямо в поле.

Давыд ногами толкнул плечи мехвода.

—Скорость предельная!

—Есть!

Куцый виртуозно управлял машиной, не дожидаясь команды, искусно маневрировал среди разверзшегося ада. Действительно ада, по-другому такую долбежку не назовешь. Из одиннадцати танков роты, где-то позади кострами чадили четыре. Первые потери и наверняка не последние.

—Куда нам? — подтормозив, крикнул Куцый.

—Вперед! Только вперед! В поселок.

—Есть!

Любая остановка, промедление в движении, это смерть, а тем более в «фанерной» броне «тэшки». Вражеские снаряды рвались перед танком, вздыбливая вверх землю, бросая ее на броню.

—Маневрируй, Ерохин! Куцый, осколочный!

Снаряд вошел в канал ствола. Выстрел! Ответка очередной раз ушла в сторону камышей. Остаток роты, яростно отбиваясь и неся потери, сумел прорваться в поселок.

—Ур-ра!

Не подвел комбат, пехота хоть и с опозданием, за танками увязалась, ворвалась-таки в Песковский. Бой с окраины быстро переместился к центру.

Улыбинский танк прижался к толстым стенам церкви, проутюжив укрепленную позицию немцев. В траншеях шла настоящая рукопашная схватка. Хотелось бы помочь своим, да только, как часто на войне бывает — не срослось. Кто-то из фрицев попытался «сунуть» связку гранат под днище маши-

ны, но до конца его смелости не хватило. То ли не добросил, то ли пуля остановила, но факт на лицо – гранаты разорвались в непосредственной близости от «брони», перебив гусеницу и лишив пары катков. Мертвым грузом машина встала, «распряглась» с одной стороны, представляя теперь легкую цель для артиллерии, танков противника, и даже гранатометчика. Давыд хотел выскочить наружу, чтобы убедиться, что можно сделать что-то. Не получилось. Как жив остался?

Очереди немецких автоматчиков загнали его обратно. Фашисты засели на чердаках, на колокольне и оттуда отчаянно обстреливали наступавших. По броне барабанили пули.

–Через донный люк выползаем!..

Танк горит факелом. Огонь врага нарастает. Это подключаются немцы, прибежавшие на помощь с соседних участков. Чиф... чиф... тью... – разноголосо высвистывают пули, рикошетом уходят куда придется. Бегут рывками, бросаясь из стороны в сторону. Но это не помогает. Пулеметная очередь прожигает ногу бойцу из батальона, через несколько секунд падает как подкошенный, лицом в пыль, Куцый. Притормозил. Кровь стучит в висках. Перевернул тело, убедился, что стрелок мертв. Ему уже ничем не поможешь. Метнулся прочь из-под огня, впопыхах где-то потерял мехвода. Ох и прижали фашисты, практически от самой церквушки на плечах сидели. Работа немецких снайперов с колокольни, собрала немалую скорбную жатву, потому и окопы у церкви спешно бросить пришлось. Так подпекало, что усидеть в них

невозможно было.

Выжившие, буквально просочились на занятые своими позиции. Свалившись в окоп, Давыд тут же высунул голову из него, хотел удостовериться, многие ли спаслись. Глаза залил пот, и донимает вжиканье пуль, потому не сразу сообразил вытереть его, да и руки заняты пулеметом, который он у мертвого Куцего забрал. Оказалось есть, есть те, кому повезло не погибнуть. Бежали согнувшись, сломя голову, что есть мочи, но не всем удалось прорваться...

После отбитой атаки, немец кажется слегка выдохся, тоже поиздержался в потерях личного состава. Изредка, как из бочки, по-видимому из укрытия, дудукал крупнокалиберный пулемет. С легким шелестом над головой проносились мины, и хлопки их разрывов методически, слабым эхом потрясали окрестность, но это был не тот огонь, который Улыбин испытал и вынес на прежней позиции. Пошел по траншее, определялся, кто взял на себя командование. Оказалось, комбат был жив и даже не ранен, находился в землянке и с успехом командовал людьми. Ф-фух! От сердца отлегло.

Здесь, где им предстояло теперь обороняться, позиции отбитые у неприятеля, в инженерном отношении были представлены развитой сетью траншей и ходов сообщений полного профиля. Мало того, их противник заблаговременно начинил автоматическим оружием, никак не рассчитывая, что внутренний укрепрайон попадет в руки русских. Ан, нет! Попал! Теперь уже Ступин, каменные строения приспособ-

бил под огневые точки.

Только когда своего танка лишился, да до седьмого пота побегал по улицам Песковского, окончательно осознал, что в западню заманили. Поселок – укрепрайон, с наспех оборудованными траншеями и дотами. В инженерных сооружениях не простые полевые подразделения вермахта воюют – самые настоящие эсэсовцы, с нехилой такой выучкой «работы» в населенном пункте. Абзац! А что делать? Только воевать. Только бы до темноты протянуть, благо он не один в поле воин.

Неожиданно наступило затишье. Чего это противник надумал? Никак в атаку намылился или перегруппировку проводит? Вся оборона, что у них, что у немцев – прослойки сплошные, сразу не понять, кто и откуда огнем причесывает. Пригибаясь, прошелся по траншее, оценивал людской ресурс. Лица у всех бойцов продубленные, обветренные, серые, как следствие бессонной ночи, адского, нечеловеческого напряжения в атаке, последующего боя и теперешнего положения. Горстки красноармейцев огнем огрызаются, но в атаку остаткам, еще совсем недавно двух больших воинских частей, не подняться. Потери большие, а еще имеются раненые и он знает, что им-то точно кранты будут. Не вынести их. Да-а! Перед траншеями проволочные заграждения, местами нашим огнем разрушенные. Уже на своей шкуре проверено то, что в этом клоповнике – Песковском, вплотную к проволоке примыкают минные поля. Да, серьезная преграда. От-

сюда Давыду хорошо видно, как две БТэшки и КВ его роты именно в местах закладок подорвались, теперь чадят, мерцая слабым огнем. Кто из экипажей и смог покинуть машины, далеко от танков не уполз. Эсэсманы, мать их через ковромысло, погорельцев из пулеметов крошили. Эх! Был поселок, теперь считай нет. Стояли дома. Теперь вместо улиц пустыри с кучами хлама.

Где-то справа противно рыгал «ишак», так солдаты окрестили немецкий шестиствольный миномет. Скрипучий звук поочередных пусков мин напоминает крик этого животного. Мина разорвалась на их позициях. И началось с новой силой! Пыль. Гарь. Летящий во все стороны щебень. Звенящие осколки. Продохнуть трудно, голову не поднять. Взрыв снаряда и содрогание почвы, заставляет бойцов вжаться в укрытие, отрешиться от мыслей. Мозг воспринимает лишь один посыл: «Выжить!»...

Поселок немец долбил долго, работал по площадям не жалея боеприпасов. Удары огромной силы, сопровождаемые невероятным шумом, который Улыбин даже представить не мог, обрушились на блиндаж. Заскрипели толстые бревна наката, завалилась стена, запахло горелым. Из противоположного угла кто-то стонал, взывая о помощи.

С большим трудом выбрались из полуразрушенного укрытия. Тело будто через молотилку прогнали, саднили порезы и ссадины. Из соседней землянки выполз пехотный комбат, жадно глотая воздух. Одного взгляда достаточно было, что-

бы понять, Ступин сейчас не боец, его впору в тыл эвакуировать нужно, и решения в дальнейшем придется принимать именно ему. А еще, Улыбину показалось, что после такого артналета, в самом населенном пункте не может остаться целых домов и живых людей, одни развалины и трупы. Немецкая мышеловка сработала, похоронив внутри себя стрелковый полк, танковый батальон, а вместе с ними и свои подразделения – приманку размещенную в поселке. Теперь в армейской обороне дыра, в несколько десятков километров, и будет ли возможность эту дыру чем либо заткнуть, одному Богу известно.

...Жа-арко-о! Помотал головой, приводя организм хоть в какой-то относительный порядок. Справа и слева шевеления, стоны. Значит живые все же имеются. Услыхал почти рядом:

–Немцы! В атаку пошли!

Высунулся из-за бруствера, скомандовал:

–Занять круговую оборону! К бою! – и уже вскоре, ощущая сухой наждак пыли в горле, хрипло скомандовал. – Огонь!

Ведь лишь слегка приподнялся над траншеей и тотчас: вжик... вжик... вжик... – просвистели над головой пули. Увиденная действительность удручала. «Нейтралка» перед их траншеей вспахана и перепахана снарядами и минами, а по этой нейтралке в их сторону сноровистыми перебежками перетекают солдаты противника, на ходу стреляя из винто-

вок и автоматов.

Ожили, задрожали, как живые, стосковавшиеся по работе, расставленные по флангам два дегтяревских ручника, снятых с вышедших и строя машин. Бьют длинными очередями, почти в упор. Обозвались трофейные МП, винтовки стрелков. Скошенные очередями, враги тяжело и кучно оседали в пыль, в рыхлую землю, на щебень. И вот, фашисты заматались и начали разбегаться в обе стороны, отползать к своим траншеям. Видно, что добрая половина немцев осталась лежать на нейтральной полоске земли.

—Прекратить огонь! Беречь патроны!

Огонь стих не сразу. Люди разгоряченные, злые. Хорошо знакомый голос прорезался слева по ходу сообщения.

—Ага! Не нравится?

Так ведь это Ерохин! Жив, однако. Громко отдал распоряжение:

—Назначенным отделенным проверить, доложить о потерях и наличии боеприпасов!

Толком посчитаться и доложить не успели...

—Воздух!

Ё-о-о! Этого только не хватало!..

Темнота наступила по-осеннему быстро, заставив немцев несколько остепениться. Стрельба по оставляемым позициям, теперь велась вяло. По горизонту почти беспрерывно, то там, то здесь желтыми факелами взлетают ракеты. Давыд нервничает, часто облизывает сухие губы, — несмотря на хо-

лод, очень хочется пить!

Он сейчас жил одним желанием – вывести людей из поселка. Их ведь на удерживаемых позициях почти купировали, осталось приложить небольшое усилие и уничтожить. На помощь советским солдатам пришел хваленый «немецкий ордунаунг». Порядок, видите ли, они любят! На фрицевские позиции подвезли горячую еду.

Да-а! А запахи съестного беспокоят голодных бойцов.

«Чертова кухня, у всех наверное всю душу вымотала, но нет худа без добра», – в сердцах подумал Давид.

–Пора, – скомандовал Улыбин. – Первыми позиции покидают подразделения правого фланга, потом по моей команде уходит левый фланг. Отделенные, с собой выносим раненых. Все! Начинаем выдвигаться.

Двинулись медленно, пригнувшись, гуськом друг за другом, подвое перетаскивая и вынося раненых. После недавнего дождя бурьян стал мягким, не трещал, скрадывал шумы и движение. Лишь в некоторых местах щебень под ногами демаскировал переход. Ночь поглощала в себя всех выживших в дневной мясорубке.

Из Песковского, смогли выбраться без особых приключений. Уже на поле, где даже после дождя от подбитых танков батальона ощущался смрад горелого железа и человеческой плоти, к их веренице из темноты прибилося с десятков бойцов, тоже выходивших к своим. Все молча. Какие тут могут быть разговоры и выяснения. Все потом. Спустились в широ-

кую балку, подождали тех, кто последними покидали поселок. В балке совсем тихо. Ни звука. Только отдельные очереди трассирующих пуль рвут темень в стороне, да горят люстрами на парашютиках осветительные ракеты в оставленном за спиной поселке. Давыд хоть и устал, но самостоятельно прошелся по месту привала, почти на ощупь «вглядываясь» в людей. Выживших вместе с ранеными насчитал тридцать восемь человек. Все, что от пехоты и танкистов осталось.

Передохнули малость, но впереди путь не близкий. Пора. Снова скомандовал, предварительно отправив вперед передовой дозор:

–Подъем! Начать движение.

Поднялись, двинулись за Улыбиным. Скоро попали в боковое ответвление балки и из-за темноты и крутизны склона, не шли, а осторожно крались по нему, оскальзываясь и спотыкаясь...

К утру смог вывести окруженцев к своим, в окопы одной из частей Красной Армии. Стрелковый полк полного состава, введенной командованием из резерва ставки дивизии, занял позиции только вечером. Окопался и ждал дальнейших указаний сверху. Звуки далекой канонады со стороны поселка Песковского, закончились только в глубоких сумерках. А когда глубокой ночью в распоряжение полка вышли измотанные бойцы, выносившие на себе раненых товарищей, командир полка, майор Иванюта, приказал привести для расспроса их командира. Детально расспросив младшего лейте-

нанта-танкиста, буквально валившегося от усталости с ног, осознал, какую ношу предстоит вынести и его полку в недалеком будущем. Танкиста машиной отправил в штаб дивизии, пускай с ним дальше сами разбираются, все-таки человек в окружении побывал. Вдруг, скрытый враг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.